

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский

Зная не только, что и как пишется в наших журналах, но и догадываясь наперед, что и как будет в каждом из них писаться, мы не принадлежим к числу ревностных их читателей. Если же и заглядываем в них, так больше для своего личного удовольствия, из желания прочесть иногда что-нибудь забавное, – нежели по обязанности. А между тем, ища удовольствия, встречаем иногда и пользу: время от времени попадают в журналах вещи курьезно поучительные, по поводу которых иногда невольно раздумаешься о том и о сем. Так как теперь большая часть наших журналов, за исключением «Отечественных записок», «Библиотеки для чтения» и «Северной пчелы», известна публике только разве по именам, и то из помянутых известных ей изданий, – то мы и приняли благое намерение, если не сохранить для потомства, то хоть сделать известным для современников редкости и драгоценности, которые, как оазисы в пустыне, попадают в малоизвестных периодических изданиях. Равным образом, может попадаться много интересного в том или другом отношении и при перелистывании старых журналов, старых и новых книг. Все такое мы намерены или пересказывать, или просто выписывать, с собственными заметками, когда дело требует пояснения, или и без заметок, когда дело красноречиво говорит само за себя. Будучи уверены в занимательности подобных заметок для читателей, мы намерены сделать из них род постоянной статьи, время от времени помещаемой в отделе «Смеси» «Отечественных записок»{1}. Так как наши заметки не имеют ничего общего ни с осами, ни с шмелями, ни с трутнями, ни с комарами, ни с другими животными{2}, то мы их и называем просто «журнальными и литературными заметками». Вот несколько таких заметок для начала.

* * *

С некоторого времени в русскую поэзию закралась странная и неприличная изысканность в мысли и выражении. Многие критики справедливо и строго вооружились против нее. Мы думали было, что она и кончилась, как вдруг открыли, к изумлению своему, следующее известие о ней в «Русском вестнике»:

Из 12-ти пьес в стихах, находящихся во втором томе «Беседы», замечательнее всех стихотворение г. Шевырева. Но разве г. Шевырев все еще пишет стихи? Да, пишет, прекрасные, как проза, чистые, как вода, нравоучительные, как изречения Антония Мурета отрокам. Видите, какой-то поэт умер. Г-н Шевырев так рассердился за смерть его, что не советует юношам призывать вдохновение на высь чела, венчанного звездой (?), не заводить песнопений пред суетной толпой!
Коль грудь твою огонь небес объемлет,
то берегись, говорит г. Шевырев, берегись: в рифму – рок не дремлет! И рассуждает он далее, что наш век горькой прекрасного не любит, бессмысленно сосуд прекрасного губит, и все равно ему, хоть гроза смяла роскошного (?) мотылька, хоть увяла роса в пламенном расцвете, хоть застыл в горах зачавшийся поток, или хоть поэт пал, зажавши рану груди. Стихи очень хороши, но мысль их кажется нам не совсем верною. Не все, чью грудь огонь небес объемлет, не все, призывающие вдохновение на высь чела, венчанного звездой, умирают, зажавши рану груди. Есть поэты, которые пишут стихи и стишки, а между тем живут себе спокойно. Такие; поэты есть на белом свете, и, следовательно, мысль почтенного г. Шевырева не вполне верна. Что, если русские поэты испугаются, послушают совета г. Шевырева, перестанут писать стихи вовсе? В таком случае, мы принуждены приняться за стихи самого г. Шевырева, потому что, запрещая другим, сам он кропать стихи не перестанет. Делать нечего – будем мы их тогда читать и восклицать: «О суетная толпа! О безумный век! О корыстный век! вот до чего мы дожили!»

О горький век! мы, видно, заслужили,
И по грехам нам, видно, суждено
читать стихи вроде перевода «Валленштейнова лагеря», или «Освобожденного Иерусалима», какими подарил нас некогда г. Шевырев, или стихов «На смерть поэта», коими украсил он 2-й том «Беседы»! Впрочем, в каком прекрасном саду не растут полынь и крапива?{3}

Впрочем, мы, кажется, ошиблись: из выписки явствует, что тут дело идет совсем не об изысканности и вычурности в выражениях и мысли: напротив, критик отдает полную справедливость художественным красотам стихов поэта и не согласен с ним только в мысли. Но, в последнем отношении, верно многие возьмут сторону поэта

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru против критика: если бы все другие русские поэты, послушав совета г. Шевырева, замолчали, многие охотно стали бы пробавляться превосходными стихами г. Шевырева, как восхищаются его несравненными критическими статьями. Г-н Шевырев стяжал себе двойной венок – как поэт и как критик: это доказывают все труды его по той и другой части – и перевод отрывка из «Освобожденного Иерусалима», где он так удачно усыновил русской версификации итальянскую октаву{4}, и его критические статьи о стихотворениях г. Бенедиктова, где он так ясно доказал, что г. Бенедиктов шагнул дальше Жуковского и Пушкина{5}, и о стихотворениях Лермонтова, где с такою тонкостью заметил он, что Лермонтов подражал в своих стихах то Жуковскому, то Пушкину, то г. Бенедиктову{6}. Подобные заслуги со стороны г. Шевырева русской поэзии и русской критике, кажется, достаточны для извинения его в стихотворении, подобном «На смерть поэта», если б его выражение было и вычурно, а мысль отзывалась старчеством или детскостью, – чего, однако ж, мы вовсе не видим.

* * *

Кто не помнит того времени в нашей литературе, когда эпиграммы были в таком ходу, что каждый поэт, эпический, драматический или лирический, непременно должен был написать хоть несколько эпиграмм? Сам Пушкин заплатил полную дань этому направлению, и только Лермонтов – поэт совершенно новой эпохи – не написал ни одной эпиграммы{7}. Но теперь этот приятный род сочинений, кажется, опять входит в моду, преимущественно тщанием и усердием известного стихотворца старого времени г. Михаила Дмитриева. Вот одна из его эпиграмм, живо напоминающая старое доброе время владычества французского классицизма в нашей литературе:

Мой шестистопный ямб тяжелым ты нашел!
Да, друг! он для тебя не в первый раз тяжел!{8}
Должно быть, что дело идет о каком-нибудь усердном читателе или слушателе стихов автора эпиграммы. В таком случае, нельзя не сознаться, что эпиграмма остра и ядовита, хотя и написана в невинном классическом духе. Но вот две эпиграммы в романтическом роде:

. У.
Ага! узнал и тотчас ты заметил
Мои стихи – признайся – почему?
Не правда ли, ты с жадностью их встретил,
Как пес лозу, знакомую ему?
Кусай – прошу: что, горьки или сладки?
Но чтоб вперед не дать тебе повадки,
Тупым зубам напомню я стихом,
Что он живет, что много силы в нем
Добить твои последние остатки{9}.
С. Ш.
К N. N.

Как не узнать тебя, пискливого Фрерона,
Тебя, наездника на палочке верхом,
Ферульной критики лихого Дормидона!
Ты хохлишься индейским петухом
И мне грозишь беззубыми стихами –
Молчи, пискун! Ну, где ты находил,
Чтоб льва могучего, с зубами и когтями,
Когда-нибудь осел копытом бил?{10}
Первая из этих эпиграмм напечатана в московском, а вторая в одном из петербургских журналов. Без сомнения, обе они прекрасны, но петербургская, кажется, лучше.

* * *

Наконец «Северная пчела» разразилась грозною статьею против «Мертвых душ», о появлении которой она позаботилась объявить назад тому уже с месяц{11}. Судя по времени, в продолжение которого эта знаменитая статья писалась, мы ожидали, что она превзойдет даже знаменитые статьи той же газеты о седьмой главе «Онегина» Пушкина, о «Юрии Милославском» г. Загоскина и «Басурмане» Лажечникова, три знаменитые статьи{12}, в которых помянутые произведения были, что называется, втоптаны в грязь. Но ожидание наше не сбылось: статья вышла предобрая и пренаивная. Особенно понравилось нам, что она напоминает собою критики блаженной

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
памяти «Вестника Европы» и журналов, издававшихся в России еще прежде
«Вестника»: тот же взгляд, та же манера, те же понятия и тот же образ выражения!
Главная нападка, разумеется, на то, что действующие лица в романе Гоголя всё
дураки и негодяи. Нападка столь же несправедливая, сколь и не новая! Во-первых:
действующие лица в «Иване Выжигине» тоже всё дураки или негодяи, а между тем
роман Г. Булгарина был превознесен «Северною пчелою». Да что «Иван Выжигин»?
Вспомните, что сказано в известной статье остроумного Косичкина о действующих
лицах и прочих романах Г. Булгарина...{13}

Во-вторых: как же рецензент «Пчелы» не заметил двух мест в поэме Гоголя, из
которых первое нам объясняет, почему добродетельный человек не взят в герои:

Потому что пора наконец дать отдых бедному добродетельному человеку; потому что
праздно на устах вращается слово «добродетельный человек»; потому что обратили в
лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который бы не ездил на нем,
понукая и кнутом и всем, что ни попало; потому что изморили добродетельного
человека до того, что теперь нет на нем и тени добродетели, а остались только
ребра да кожа вместо тела; потому что лицемерно призывают добродетельного
человека; потому что не уважают добродетельного человека (стр. 431).
В другом месте автор ясно говорит, что его герой не подлец:

Теперь у нас подлецов не бывает; есть люди благонамеренные, приятные, а таких,
которые бы на всеобщий позор выставили бы свою физиономию под публичную оплеуху,
отыщется каких-нибудь два, три человека, да и те уже говорят теперь о
добродетели (стр. 465).

Вторая нападка рецензента состоит в том, что в поэме Гоголя нет – видите –
содержания!!.. Вот уж тут мы не знаем, что и сказать, – то есть хоть и знаем, да
боимся понапрасну потратить слова: мы учились эстетике по новым книгам, а
рецензент, как заметно по тону и смыслу его статьи, человек прошлого века и
«содержание» смешивает с «сюжетом», идеал же романа видит в бабьих сплетнях и
рассказах о разной небывальщине, составляющей сюжет какой-нибудь «Черной
женщины»{14}.

Третья нападка грозной рецензии направлена на обилие неприличных и не
употребляемых в высшем обществе слов, каковы: подлец, свинья, свинтус, бестия,
каналья, бабешка, ракалия, фетюк, скалдырник, мошенник, напакостить и т. п.,
которые употребляются действующими лицами в романе Гоголя. Особенное
неблаговоление благовоспитанного рецензента навлекло на себя слово фетюк,
употребленное Ноздревым, и при нем, в выноске, объяснение автора, что «фетюк,
слово обидное для мужчины, происходит от буквы ѳ, почитаемой некоторыми
неприличною». Что сказать на это? Так как мы не принадлежим к тому высшему
обществу, которое столь знакомо рецензенту «Северной пчелы», то и ограничимся на
этот раз небольшою выпискою из статьи князя Вяземского, которому настоящее
высшее общество известно по крайней мере не менее кого другого. Вот что говорит
князь Вяземский, по поводу «Ревизора», о нападках словоловов на неприличные
слова, встречающиеся в этой комедии:

У которого-то из них уши покраснели от выражений: суп воняет, чай воняет рыбою.
Он уверяет, что теперь и порядочный лакей того не скажет. Да мало ли того, что
скажет и чего не скажет лакей? Неужели писателю ходить в лакейские справляться,
какие слова там в чести и какие не в употреблении? Так, – если он описывает
лакейскую сцену; но иначе к чему же? Например, Осип в «Ревизоре» говорит чисто
лакейским языком, лакея в нем слышим деревенского, который прожил несколько
времени в столице; это дело другое. Впрочем, критик, может быть, и прав; в этом
случае мы спорить с ним не будем. Порядочный лакей, то есть, что называется un
laquais endimanche[1], точно, может быть, постыдится сказать: воняет, но
порядочный человек, то есть благовоспитанный, смело скажет это слово и в
гостиной и перед дамами. Известно, что люди высшего общества гораздо свободнее
других в употреблении собственных слов: жеманство, чопорность, щепетность,
оговорки, – отличительные признаки людей, не живущих в хорошем обществе, но
желающих корчить хорошее общество. Человек, в сфере гостиной рожденный, в
гостиной – у себя, дома; садится ли он в кресла, – он садится как в свои кресла;
заговорит ли, – он не боится переговориться. Посмотрите на провинциала, на
выскачку; он по смеет присесть иначе, как на кончике стула, шевелит краем губ,
кобенясь, извиняется вычурными фразами наших нравоучительных романов, не скажет
слова без прилагательного, без оговорки. Вот отчего многие критики наши,
добровольно подвизаясь на защиту хорошего общества и ненарушимости законов его,
попадают в такие смешные промахи, когда говорят, что такое-то слово неприлично,

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru такое-то выражение невежливо. Охота им мешаться не в свои дела! Пускай говорят они о том, что знают; редко будет им случай говорить, – это правда, но зато могут говорить дельное. Можно быть очень добрым и рассудительным человеком и не иметь доступа в высшее общество. Смешно хвастаться тем, что судьба, что рождение приписали вас к этой области; но не менее смешно, если не смешнее, не уроженцу, или не получившему нрава гражданства в ней, толковать о нравах, обычаях и условиях ее. Что вам за нее рыцарствовать? Эта область сама умеет стоять за себя, сама умеет приводить в действие законы своего покровительства и острацизма. Все это не журнальное дело. У вас уши вянут от языка «Ревизора»: а лучшее общество сидит в ложах и креслах, когда его играют; брошюрка «Ревизора» лежит на модных столиках работы Гамбса. Не смешно ли, не жалко ли с желудком натошак гневаться на повара, который позволил себе поставить не довольно утонченное кушанье на стол, за коим нет нам прибора?.. [2]{15}

Наконец, четвертая и главная нападка рецензента устремлена на промахи против грамматик г. Греча. Здесь рецензент говорит с особенною важностью и убедительностью, как человек, вошедший в свою стихию, где ему и привольно и безопасно. Действительно, язык у Гоголя не отличается мертвою правильностью, и на него легко нападать грамотеям и корректорам, которые считают язык и слог за одно и то же, не подозревая, что между языком и слогом такое же неизмеримое расстояние, как и между мертвою, механическою правильностью рисунка бездарного маляра-академика и живым оригинальным стилем гениального живописца. Но посмотрите, какие ошибки отыскал рецензент в поэме Гоголя против языка: «молодой человек оборотился назад» (ошибка?!); «скромно темнела серая краска» (по мнению рецензента, должно: темнелась!!.); «при (?) них стоял учитель, поклонившийся вежливо и с улыбкою» (нет, восклицает рецензент... стоявший при них учитель поклонился) и т. п... Не довольно ли? Ведь уж видно, о каком дерзновенном восстании Гоголя и против какой грамматики и логики говорит он – против грамматики г. Греча и логики г. Рождественского... Из всех указанных им примеров «самого неправильного и варварского языка и слога» у Гоголя справедливо осуждено разве одно слово узрет вместо узрен: действительно, великая ошибка со стороны Гоголя, и мы охотно верим, что строгий рецензент никогда бы не сделал подобной, так же, как никогда бы не написал «Мертвых душ».

Впрочем, рецензент не все хулит, кое-что он и хвалит, исполняя таким образом обязанность истинной критики, как ее понимали назад тому лет за сорок: сказав вообще, что роман плох, он заметил неприличные выражения, потом грамматические неправильности, затем слегка кое-что похвалил, а в заключение выписал несколько хороших мест, тщательно им выбранных, чтоб тем лучше удружить автору. Понятия о содержании, идее, о творчестве и т. п. – предметы самые старосветские, и новому времени принадлежат только выражения, вроде следующих, которых не терпело старинное приличие, – например, что все хорошее в романе Гоголя «утопает в какой-то смеси вздору, пошлостей и пустяков», «удивляемся безвкусию и дурному тону, господствующим в этом романе», «язык и слог самые неправильные и варварские» и т. п.

Продолжение

Все согласны, что русская литература довольно небогата, так что охотникам до русских книг просто нечего читать, если они хотят читать только одно хорошее. В 1840 году вышел «Герой нашего времени», а в 1842 году вышли «Мертвые души». Если включить сюда пять-шесть повестей в журналах и альманахах – вот и все по части прозы... Кто будет спорить, что для прочтения всего этого немного нужно времени? В 1840 году вышли стихотворения Лермонтова, а в 1841–42 году, от дня смерти поэта почти до настоящей минуты, напечатаны в «Отечественных записках», кроме небольших пьес, отрывки из «Демона» и поэма «Боярин Орша»; если включить сюда вышедшие в нынешнем году стихотворения г. Майкова да еще пять-шесть стихотворных пьес, рассеянных по журналам и альманахам, вот и все, что явилось примечательного по части стихов в последние два года!.. Опять никто не будет спорить, что для прочтения всего этого нужно слишком мало времени... Репертуар русской сцены – эта арена гг. Кукольника, Полевого, Ободовского, Коровкина, Суколова и многих других, – репертуар русской сцены представляет собою то засохшее поле, на котором ни былинки, то, после долгих проливных дождей, покрытую грибами и дождевиками поляну... Вообще, наша драматическая литература хуже всякой другой нашей литературы; о ней не стоило бы даже и говорить. Но все это дело весьма поправимое, и притом легко поправимое. Удивляемся, как никому не пришло в голову этого простого средства, и только одна «Северная пчела» могла придумать его. В 42 № этой газеты напечатано, между прочим, следующее:

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Хладнокровие к русской литературе и русским художествам – грех противу русской народности, следовательно, и противу патриотизма. Вы скажете нам: да виноваты ли мы, что за границу пишут лучше (чем – где?), что водевили Скриба лучше наших, что драмы Дюма и Виктора Гюго занимательнее (чего?), что романы Евгения Сю, Бальзака и Жорж Занд превосходнее (чего?), что «Les Français peints par eux-mêmes[3]» лучше «Наших»?.. Быть может, не спорим. Но если в годовых своих расходах вы полагаете тысячу рублей на вист и тысячу рублей на непредвидимые мелкие издержки, определите, пожалуйста, хотя пятьсот рублей на русские книги! Не читайте сами, если они вам не нравятся, но отсылайте каждую зиму в деревню, в вашу деревенскую библиотеку. Пусть они лежат там спокойно. Придет время, и ваш потомок воздаст вам за это честь и хвалу! – Вам скучно в русском театре – нет нужды! появляйтесь там в представлении каждой новой русской пьесы, особенно оригинальной, это принесет большую пользу искусству! Пьесы пишутся по публике, и когда люди высшего вкуса и образования станут появляться в русском театре, пьесы будут изящнее.

Как жаль, что под эту прекрасную статью не подписано имени ее сочинителя, которое, таким образом, не перейдет в потомство и не приобретет заслуженного им бессмертия! Какой проект, боже мой, какой проект! Как он прост и удобоисполним! А между тем какие великие результаты должны из него выйти! Литература процветет, то есть потомки прочтут книги, которые не стоили внимания современников, и будут обязаны живейшею благодарности собирателям этих драгоценных библиотек... Увидя, что и высшее общество ездит зевать и спать на представленья новых русских, особенно оригинальных, пьес, – наши драматурги вдруг приобретут и талант, и вкус, и ум, и чувство приличия, и знание жизни, словом, все, чего они с такою истинно достойною удивления решимостью до сих пор не хотят приобретать... Помилуйте, да такой проект больше всякой книги заслуживает демидовскую премию!.. {16} Честь и слава газете, где печатаются такие дивные проекты!

* * *

Что такое патриотизм и патриоты – всякий знает; но не всякий знает, что патриоты разделяются на два разряда. Одни получают имя патриотов за свои заслуги от общества и от истории, как получили его Минин, Пожарский, Сусанин и другие, не дожидаясь приговора общества, которое часто бывает завистливо, и истории, которая всегда бывает медленна. Другие сами себя провозглашают патриотами, потому что громче других говорят о любви и ревности ко всему отечественному. У нас в литературе теперь особенно много развелось патриотов второго разряда. Между ними даже есть люди, не умеющие без ошибки против языка написать двух строк по-русски, но тем не менее в своей патриотической ревности затевающие преобразование русского слога {17}. Другие, прижавшись за какого-нибудь опытного корректора, кое-как понавострились писать русским складом, за что даже стяжали себе славу «сочинителей» на всех толкучих рынках, где, между прочим хламом, продаются, и порознь и мешками, книги, которые не пошли в ход из книжных лавок или которые прежде бойко шли, но потом, как говорится, вдруг оборвались {18}. Третьи, чтобы сделать для всех яснее свой патриотизм, пишут языком времен Кошкина {19}, примером русских мужиков и баб уличают бог знает в чем Гоголя и французских романистов, которые, разумеется, ничего об этом не знают, а потому и не могут исправиться. Вообще, эти третьи всех интереснее. Россия не сходит с их пера, и, читая их писания, не знаешь, чему больше дивиться: тому ли, что они, подобно муже Крылова, хлопочут о том, что и без их хлопот хорошо идет; {20} тому ли, что они пишут для такого класса людей, который, по незнанию грамоты, не может читать их, или, наконец, той наивной скромности, с которою они дают знать, как крепко залегла у них на сердце мысль о благосостоянии всего отечественного... Один из этих господ недавно дал совет русским образованным классам, чтобы они посылали своих детей учиться русскому языку в крестьянские избы!.. {21} Впрочем, дело решенное, что тяжелые труды, часто не вполне вознаграждаемые современниками, составляют принадлежность только патриотов первого разряда; патриоты же второго разряда всегда и везде благоденствовали {22}, и, должно быть, на них метил Крылов этими чудесными стихами:

А смотришь: помаленьку –

То домик выстроит, то купит деревеньку... {23}

История о ножичке (факт для будущего историка русской литературы). В 63 № «Северной пчелы» нынешнего года помещено, между прочим, письмо гг. Анифьева, Страхова и Вагина, мастеров села Павлова, к какому-то Ивану Ильичу. Письмо это напечатано под названием «Защита добрых русских мастеров» и заключает в себе возражение на статью о селе Павлове, напечатанную в «Живописном обозрении» {24}. Оно оканчивается следующими, равно любопытными и для современников и для

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
потомства, строками:

..Милостивый государь Иван Ильич, мы и решились вас покорнейше попросить этим письмом взять на себя труд увидеться с его высокоблагородием Фаддеем Венедиктовичем Булгариным, как ревностным защитником и любителем всего отечественного, и попросить его, не поместит ли он хотя небольшой статейки, в защиту наших изделий против «живописного обозрения», в «Северной пчеле», всегда верной и беспристрастной вестнице о всех произведениях отечественных, которую мы около десяти лет постоянно читаем и перечитываем, а в особенности статьи г. Булгарина, всегда с особенным удовольствием.
При сем г. Булгарин предъявляет в выноске следующее:

Литературные мои противники могут обвинить меня в тщеславии, самолюбии и в чем угодно (sic!) за то, что я не вычеркнул из письма лестных для меня выражений. Подвергаюсь охотно всем упрекам и насмешкам журналов, по эта похвала русских грамотных мастеровых так для меня лестна, так радует меня и утешает, что я не променяю ее на целые печатные листы журнальной похвалы и на самые кудрявые французские или русские комплименты (разумеется, если бы таковые имелись)! Более всего дорожу я мнением русских людей, смотрящих на вещи и дела беспристрастно! Наши судьи они, а не литературные партии!.. Справьтесь, любезные мои противники, есть ли один русский грамотный человек, заглядывающий в печатное, который бы не знал: Ф. Б.?

Выписав выноску или предъявление г. Булгарина, выпишем конец письма грамотных и беспристрастных ценителей г. Булгарина, мастеровых села Павлова:

Мы препровожаем при сем карманный ножичек[4], сделанный на имя г. Булгарина одним из мало известных еще мастеров наших, Иваном Хотяниным; он теперь человек молодой, но обещает в себе, впоследствии, по изделию, многое. Этот ножичек и теперь, как по чистоте отделки, так и по прочности в закалке стали, может стать в соперничество с лучшими иностранными изделиями этого рода и вчетверо их дешевле. Мы просим покорнейше господина Фаддея Венедиктовича принять его как доказательство, что у нас в Павлове фабрикация таких изделий не только не унижается, но по времени более и более совершенствуется и распространяется. В надеянии на вас, имеем честь быть, и проч.

Из этого любопытного факта для будущего историка русской литературы мы выводим много утешительных и отрадных следствий. Исчислим некоторые из них:

I. Самые лучшие и беспристрастные ценители литературных заслуг суть грамотные мастеровые; они же и самые ревностные читатели «Северной пчелы», а в особенности статьи г. Булгарина всегда с особенным удовольствием они читают и перечитывают.

II. Вниманием грамотных мастеровых г. Булгарин дорожит больше, чем литературными отзывами (вероятно, потому, что от последних ему уже нечего ожидать, тогда как от первых, по новости для них этого дела, он может еще кое-чего надеяться).

III. Все грамотные люди, заглядывающие в печатное, знают, что такое Ф. Б.

IV. Ножичек подарен г. Булгарину не тремя или четырьмя мастеровыми села Павлова, как значится из письма, а целым миром села Павлова, как уверяет г. Булгарин своих читателей и ценителей (то есть грамотных мастеровых), и что поэтому он, г. Булгарин, будет хранить этот ножичек, как вещь драгоценную, хоть он и стоит всего каких-нибудь пять рублей.

V. Мы уверены, что через каких-нибудь много-много сто лет «драгоценный ножичек» будет продаваться дороже пера, которым Наполеон подписал в Фонтенбло свое отречение от престола.

* * *

История о Митрофанушке в луне. (Еще материал для будущего историка русской литературы).

В 73 № «Северной пчелы» напечатана, между прочим, следующая литературная статья:

Позволив книгопродавцу И. Т. Лисенкову перепечатать в трех частях сочинения мои из разных журналов, я обещал ему к четвертой части написать рассказ под заглавием: «Митрофанушка в луне», но до сих пор этого нового сочинения г. Лисенкову не доставил, а потому и прошу всех подписавшихся у него на четвертую часть моих сочинений избавить его, Лисенкова, от всякой ответственности. Я же принимаю на себя публично священную обязанность выставить четвертый том к нынешнему лету в удовлетворение гг. подписавшихся. При сем долгом считаю объяснить насчет этого замедления, в котором я без вины виноват. Рукопись не только была написана, но даже процензурована, и по несчастному случаю утрачена. Что тут делать? Писать вновь то, что уже было написано однажды, припоминая

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
прежнее? Кто знаком, хотя несколько, с трудом воображения, тот знает, как это тяжело! Мучительнейшей пытки нельзя изобрести для головы литератора, как повторение однажды уже конченной работы! – Между тем Г. Лисенков завел со мною процесс, как это было видно из «Полицейских ведомостей», и дело остановилось. Теперь прошу всех и каждого подождать спокойно шесть недель, и четвертая часть будет готова. Сим отвечаю на все вопросы, запросы и требования! Нельзя же истолочь мозг литератора в итоге и спечь пирог. Дело ума – дело невольное. Не идет в голову мысль, так и пушечным ядром не вгонишь ее. Ф. Булгарин. Из этого «предъявления» мы не выводим никаких следствий: дело ясно само по себе. Можно заметить разве, что это обещание с шестинедельным сроком напечатано 2 апреля, теперь сентябрь, – а «Митрофанушки» все еще нет!

* * *

Светскость решительно сделалась манией некоторых сочинителей. Не то чтоб они были люди светские или находились в каком-нибудь соприкосновении, прямом или косвенном, с тем, что называется «большим светом»: нет, совсем не то! Их уважение к светскости гораздо выше и бескорыстнее: это что-то вроде рыцарского обожания красоты, которой никто из них и не видал, но за честь которой каждый из них готов переломить копые со всяким, осмеливающимся сомневаться, что их Дульцинея не первая красавица в мире. Впрочем, они стараются извлекать из своего бескорыстного обожания кое-какие выгоды. Когда является творение поэта, на смерть убивающее произведения этих «светских сочинителей», – они, эти «светские сочинители», сейчас поднимают совсем не светский крик и селятся художественную верность действительности в великом творении выставить грязными картинами, верность натуре и характерам изображаемых лиц – площадными словами, которые будто бы поэт употребляет от самого себя, по страсти своей к цинизму. Нельзя, однако ж, во всех этих нападках видеть умышленное искажение истины, неблагонамеренную цель: напротив, многие из них удивляют своею искренностью. Дело в том, что наши «светские сочинители» смешивают свой собственный круг общества с большим светом, которого им и во сне не случалось видеть. К какому же кругу общества принадлежат эти «светские сочинители»? – К тому самому, который так превосходно выведен Гоголем в IX-й главе «Мертвых душ», где так гениально изображены «приятная во всех отношениях дама» и «просто приятная дама». Впрочем, в IX-й главе это общество представлено в действии, а общая характеристика его находится в VIII-й главе, из которой, кстати, выпишем здесь несколько строк:

Дамы города N отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: я высморкалась, я вспотела, я плюнула, а говорили: я облегчила себе нос, я обошлась посредством платка. Ни в каком случае нельзя было сказать: этот стакан или эта тарелка воняет. И даже нельзя было сказать ничего такого, что б подало намек на это, и говорили вместо того: этот стакан нехорошо ведет себя, или что-нибудь вроде этого (306 стр.). Трудно было бы и вообразить, что говорят дамы города N о «Мертвых душах» Гоголя, но некоторые «светские сочинители» своими рецензиями удачно и удовлетворительно решили эту задачу. В то время, как высший свет, почти не читающий русских книг (по причинам, которых, по совести, нельзя не одобрить), читает «Мертвые души» и восхищается ими, не находя в них ни одного слова, которого бы нельзя было прочесть громко в обществе, – они, бедняжки, то есть наши «светские сочинители», так и рвутся от негодования на произведение Гоголя за грязность его картин и выражений. Вот что недавно прочли мы по поводу этого:

Мы слышали, будто в здешней столице учредилось дамское общество, в котором запрещается говорить по-французски и возлагается обязанность изъясняться непременно по-русски, разумеется, с русскими. За каждое французское слово должно платить штраф, в пользу бедных, по пятаку, а за неправильную русскую фразу по гривеннику. Ежели весть эта справедлива, поздравляем русское общество с этим благородным предположением! Господа писатели, держите ухо (в)остро! Что вы представите нашим дамам? В одной здешней газете новый роман Г. Гоголя называют образцовым творением, не знаем, в шутку или сери(ь)о(ё)зно, а сколько при чтении этого романа придется заплатить гривенников штрафа!!! А за нежные картины его что платить? Повторяем: гг. писатели, помните, что у нас есть дамы! («Северная пчела», 1842, № 143).

По тону статейки можно заключить с достоверностью, что ее светский сочинитель, говоря о дамах, явно намекает на «приятную во всех отношениях даму» и «просто приятную даму». Это еще более подтверждается следующими строками в той же газете, которые отличаются истинно изящным тоном: призывая русскую публику, из

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru патриотизма, покупать плохие книги, светский сочинитель восклицает: «Что значит человечество без просвещения? Извините, господа, что разболтался! Чем полна душа, того не удержишь. Лишь тронул – льется через край! О любезный мой язык русский, дедушка славянских наречий! О милая русская литература! как мне не вспоминать об вас, когда у вас так немного истинных друзей!..»{25} Боже ты мой! что за светскость!

* * *

Один сочинитель вздумал исчислить, сколько раз был он бранен в других журналах, и начел – 720 раз!.. Кстати, он утверждает, будто «Отечественные записки» составили против него вооруженный союз...{26} Смешная и забавная выходка! Желая очистить русскую литературу от подобных жалких явлений, «Отечественные записки» неумоимо преследуют их, но не бранью, а правдою, и больше выписками собственных слов таких сочинителей, чем возражениями на них. 720 раз разбренный сочинитель держался до сих пор тем, что его выводили на свежую воду только московские журналы, мало имевшие хода в Петербурге; именно оттого, что теперь за ним смотрят в петербургском журнале, он и потерял последний кредит между сколько-нибудь образованными людьми и рад, бедняжка, что его хоть мастеровые-то еще читают и хвалят... Это подает надежду, что «Отечественные записки» скоро совсем перестанут обращать на него свое внимание, которое, впрочем, и теперь обращают они редко, именно только по случаю его выдумок на них. Между тем он сам, о чем бы ни заговорил, всегда привяжется к «Отечественным запискам». Боясь их влияния на публику, он, при издании всякого нового своего пачканья, просит «Отечественные записки» разбранить его... Что это значит? – А вот что: по его мнению, весьма основательно, сказать о его сочинении правду – значит разбранить его; зная же вперед, что к «Отечественным запискам» нельзя зайти ни с которой стороны и что они непременно скажут всю правду, наш сочинитель показывает вид, что похвала «Отечественных записок» опаснее для его книги или статьи, чем порицание... Приняв такую политику, он каждый раз, как готовится напечатать где-нибудь свои новые погудки на старый лад, просит «Отечественные записки» бранить его; а «Отечественные записки» каждый раз снисходительно выполняют его униженные просьбы.

* * *

В 158 № «Северной пчелы», как образчик бессмыслицы, выставляют следующее место из статьи «Отечественных записок» о «Мертвых душах»:

Величайшим успехом и шагом вперед считаем мы со стороны автора то, что в «Мертвых душах» везде ощущаемо и, так сказать, осязаемо проступает его субъективность. Здесь мы разумеем не ту субъективность, которая, по своей ограниченности или односторонности, искажает объективную действительность изображаемых поэтом предметов; но ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая в художнике обнаруживает человека с горячим сердцем, симпатическою душою и духовно-личною самостию, – ту субъективность, которая не допускает его с апатическим равнодушием быть чуждым миру, им рисуемому, но заставляет его проводить через свою душу явления внешнего мира, а через то и в них вдыхать душу живу... Это преобладание субъективности, проникая и одушевляя собою всю поэму Гоголя, доходит до высокого лирического пафоса и освежительными волнами охватывает душу читателя даже в отступлениях, как, например, там, где он говорит о завидной доле писателя, «который из великого омута ежедневно вращающихся образов избрал одни немногие исключения; который не изменял ни разу возвышенного строя своей лиры, не ниспускался с вершины своей к бедным, ничтожным своим собратиям и, не касаясь земли, весь повергался в свои далеко отторгнутые от нее и возвеличенные образы»; или там, где говорит он о грустной судьбе «писателя, дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно перед очами и чего не зрят равнодушные очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога, и крепкою силою неутомимого резца дерзнувшего выставить их выпукло и ярко на всенародные очи»; или там еще, где он, по случаю встречи Чичикова с пленившею его блондинкою, говорит, что «везде, где бы ни было в жизни, среди ли черствых, шероховато-бедных, неопрятно-плеснеющих, низменных рядов ее или среди однообразно-хладных и скучно-опрятных сословий высихших, везде, хоть раз, встретится на пути человеку явленье, не похожее на все то, что случилось ему видеть дотолде, которое хоть раз пробудит в нем чувство, не похожее на те, которые суждено ему чувствовать всю жизнь: везде, поперек каким бы то ни было

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru печалюм, из которых плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, как иногда блестящий экипаж с золотой упряжкой, картинными конями и сверкающим блестящим стеклом вдруг неожиданно промчится мимо какой-нибудь заглохнувшей бедной деревушки, не выдавшей ничего, кроме сельской телеги, – и долго мужики стоят, зевая, с открытыми ртами, не надевая шапок, хоть давно уже унесся и пропал из виду дивный экипаж»... Таких мест в поэме много – всех не выписать. Но этот пафос субъективности поэта проявляется не в одних таких высоко лирических отступлениях: он проявляется беспрестанно, даже и среди рассказа о самых прозаических предметах, как, например, об известной дорожке, проторенной забубенным русским народом... Его же музыку чуёт внимательный слух читателя и в восклицаниях, подобных следующему: «Эх, русский народец! не любит умирать своею смертью»!.. {27}

Все это в «Северной пчеле» выписано без отличия выражений наших от выражений Гоголя, отличенных в нашей статье обыкновенными знаками. Затем следует к нам просьба растолковать, что значит: «осяземо проступает его субъективность», какая это субъективность, которая искажает объективную действительность, что значит «человек с горячим сердцем и духовно-личной самостью». На все эти вопросы мы не можем дать ответа «Северной пчеле» по следующей причине: для людей, чему-нибудь учившихся, все эти выражения должны быть очень ясны; тем же, кому учиться и образовываться трудно или невозможно, нечего и толковать того, что без учения и образования понимаемо быть не может. Что значит (продолжает «Пчела») «великий омут ежедневно вращающихся образов» (уж подлинно попал в омут! – остроумное восклицание «Пчелы»), что значит: «потрясающая тина мелочей» (ну, право, тина! – еще остроумное восклицание «Пчелы»). Вот на этот вопрос мы можем дать «Пчеле» удовлетворительный ответ, который понять ей будет легче, чем кому-нибудь другому. «Великим омутом ежедневно вращающихся образов» и «потрясающе тиною мелочей» поэт называет ту сторону жизни, которая прежде всякой другой охватывает человека и из-под обаяния которой освобождаются только немногие избранники провидения. Эта омутовая и тинная сторона жизни преобладает везде – в журналистике также. Представим себе, для примера, такое издание, где бы писалось только о мелочах жизни – о табачных лавочках, кондитерских, водочистительных машинах, печатались бы похвалы дурным книгам и бездарным сочинителям, унижалось бы всякое дарование, всякий заслуженный успех; где какой-нибудь рецензент, еще вчера, например, падавший до ног перед Пушкиным, завтра разругал бы лучшее его создание, провозгласил бы ему совершенное падение; вчера расхвалил до небес плохую драму своего приятеля, возвеличив его именем Шиллера, завтра завопил бы перед публикою: «Пьеса дрянная, а что я ее хвалил – виноват: самарадерие [5], приязнь, mea culpa, mea maxima culpa...» [6] Вот в таком бы издании выразилось то, что Гоголь называет «великим омутом ежедневно вращающихся образов» и «потрясающе тиною мелочей»... Но «Пчела» еще спрашивает: что значат у Гоголя: «черствыи, шороховато-бедныи, неопрятно-плеснеющии, низменныи ряды жизни» и «однообразно-хладныи и скучно-опрятныи высшии сословия». Неужели и это надо толковать «Пчеле»? Смешно было бы толковать то, что и без толкования ясно, как $2 \times 2 = 4$. А если кому приятно играть роль помещицы Коробочки, которую Чичиков назвал дубинноголовою, то у нас, право, нет никакой охоты толковать таким «коробочкам», что такое «Мертвые души»...

* * *

В №№ 177 и 178 «Северной пчелы» помещена юмористическая статейка г. Ф. Булгарина вроде Овидиевых превращений {28}, Г-н Булгарин обращается в статейке в синицу, рябчика или в стрижа и попадает в желудок осла, где, с свойственным ему юмором, открывает множество злых соков, и проч. В заключение он говорит, будто бы в Петербурге «Отечественные записки» переводятся с языка, для него непонятного, на язык понятный, и, если слух не лжив, просит своего корреспондента прислать к нему перевод «Отечественных записок». Из этого ясно видно, как сильно г. Булгарин интересуется «Отечественными записками», как сильно хочется ему их читать и как ему больно, что он не в состоянии их понимать. Мы, с своей стороны, желая г. Булгарину пользы и удовольствия, очень рады известию о переводе «Отечественных записок» на язык, более ему понятный, который он называет языком русским; только боимся одного, чтоб они не были переведены по грамматике г. Греча на какое-нибудь мазурское или литовско-белорусское наречие... {29} Тогда мы торжественно отречемся от переведенных таким образом «Отечественных записок».

* * *

В «Москвитянине» и «Русском вестнике» напечатан «Гороскоп Петра Великого» {30}. Редактор последнего журнала {31} упрекает в небрежности, с которою «Москвитянин»

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru перевел с латинского этот будто бы драгоценный памятник старины. Мало того: он обвиняет в неуважении к этой «редкости» почтенного московского профессора и астронома Д. М. Перевощикова, который сказал о гороскопе, что «нельзя делать примечаний на бред, заслуживающий одно только презрение», и что «всякое рассуждение о гороскопах унижает тех людей, которые занимаются таким вздором»{32}. Редактор «Русского вестника» говорит по этому случаю: «Так может думать астроном и математик, но отнюдь не поэт, не историк и не философ»{33}. Мы, с своей стороны, долгом считаем вступить за честь поэзии, истории и философии, к области которых напрасно относят такие нелепости, как гаданье на святаках и всякое колдовство и гороскопы. Правда, поэзия прежде, с юношескою мечтательностью, любила эти заблуждения младенчествующего человеческого ума; с тех пор, как она подросла и возмужала, она почитает себе за честь быть органом разума, а не слабоумия, не невежества. История тоже смотрена с уважением, как на что-то таинственное, на все, в чем не было смысла; но это было давно, когда еще история походила на легенду и на сказку. О философии нечего и говорить: заставляя ее интересоваться плодами невежества и дикости, вместо того чтоб уничтожать их, значит не иметь ни малейшего понятия о содержании и цели философии. Скажут, что, может быть, у «Русского вестника» своя философия: а! в таком случае, нет и спору – всякому свое; только зачем же было не оговориться, что-де нашей поэзии, нашей истории и нашей философии? Против ваших – мы ни слова...

Продолжение

Русская журналистика и капустные кочерыжки. (Материал для будущего историка русской литературы.)

Нынешний год ознаменован в русской журналистике великим событием – войною, происшедшею из губительного раздора между друзьями. Что перед нею вражда Агамемнона с Ахиллом? Там дело завязалось из пленницы Бризеиды{34}, здесь – из кочерыжек!

Пролог к знаменитой войне из-за кочерыжек была небольшая стычка из-за плохой «Истории Петра Великого» г. Ламбина. В «Русском вестнике» была напечатана статья, где было сказано, что текст «Истории Петра Великого» плох донельзя, а картинки к ней еще хуже{35}. Статья была написана хорошо, основания ее были дельны и доказательны; с нею согласились все читавшие и не читавшие ее, потому что мнение о внутреннем и внешнем безобразии компиляции г. Ламбина и спекуляции г. Эльснера установилось тотчас же по выходе первых тетрадей этого чудовищного издания. Кажется, тем бы делу и надобно кончиться, но не тут-то было! Издание успело приобрести себе жаркого защитника в г. Булгарине. И вот в фельетоне «Северной пчелы» начались выходки против статьи «Русского вестника», но не против, однако ж, самого «Русского вестника»: о нем прямо сказано, что это едва ли не лучший из современных русских журналов (хороши же должны быть прочие русские журналы!), что и злейший враг г. Полевого не упрекнет его в корыстных видах, но что г. Полевой неправ, судя по одному введению о целой истории, хотя и прав, называя картинки решительно дурными, и что ему, г. Булгарину, гораздо больше нравятся «Параша-сибирячка» и «Уголино», чем «Елена Глинская»{36} (№ 69 «Северной пчелы»). Не знаем, до какой степени помогла эта защита предприятию г. Эльснера; но дело тем, то есть ровно ничем, и кончилось. Должно думать, что обе стороны остались довольны, а известно, что нужно большое искусство, чтоб угодить и нашим и вашим... Но вот в 75 № «Северной пчелы» является фельетонная статья, где, между прочим, г. Ф. Б. взглянул на русские журналы и газеты с политико-экономической точки, доказывая, что нашу журналистику губит будто бы совместничество. Из этого видно, что г. Ф. Б. держится системы запретительной и принадлежит к приверженцам монополий (единоторжий, по переводу г. Шишкова). Затем следуют жалобы на то, что как прежние журналы передразнивали, формой и содержанием, «Московский телеграф», так нынешние передразнивают, в этом отношении, «Библиотеку для чтения». Разумеется, при сей верной оказии всех более достается «Отечественным запискам», в которых г. Ф. Б. видит подделку под «Библиотеку для чтения»... «Но, – говорит он, – то, да не то! Федот, да не тот!» и мы, вслед за ним, повторим с гордостью: «То, да не то! Федот, да не тот!..» Впрочем, снисходительный г. Ф. Б. прощает «Отечественным запискам» их подражание «Библиотеке»: «Откуда же им выдумать что-нибудь свое?» – восклицает он в полноте своего критического одушевления. «Но (продолжает он), право, непустительно Н. А. Полевому...» Теперь – слушайте, слушайте! Дело в том, будто «Русский вестник» так же передразнивал «Эконома», как «Отечественные записки» «Библиотеку», «Ну, как же не изменить программы (говорит г. Ф. Б. о «Русском вестнике»), когда и

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru смиренный «Эконом» имеет успех!.. Сем-ка пойдем тем же путем, авось найдем! И вот в 3 № «Русского вестника» на сей 1842 год читатели этого журнала получают то, что им не было обещано в программе, а именно хозяйственные заметки! А! вот в чем дело! вот к чему клонились тонкие намеки Г. Ф. Б. на вред журнального сотрудничества, на выгоды единоторжия и все эти толки об иностранных и русских журналах и газетах!.. Понимаем! В хозяйственной заметке «Русского вестника» говорилось о новом средстве заменять дрова там, где они, по безлесию, слишком дороги, сушеными кочерыжками и стволами земляных груш, Если бы эта мысль была и неосновательна, можно было бы это заметить в нескольких строках «Эконома» или, пожалуй, и «Северной пчелы»; но писать особую статью, заводить дело издалека, начав его если не с яиц Леды{37}, то с иностранных журналов и газет, потом перейти ко вреду сотрудничества и к пользе единоторжия и наконец представлять из себя обиженного, оскорбленного, и чем же? – хозяйственной заметкою, помещенною в «Смеси» журнала, где обыкновенно помещается всякая всячина: – воля ваша, а это могло произойти только из слишком глубокого проникновения философским убеждением о вреде сотрудничества и пользе единоторжия!.. Г-н Ф. Б. до того огорчился хозяйственной заметкою «Русского вестника», что заключил свою декларацию следующей вдохновенной выходкою: «Допускаю один, много два энциклопедические журнала, но все журналы на одну статью, по одному плану, перебивающие один другому дорогу, – это, воля ваша, невыносимо! Публика подтвердила мое мнение, и на нынешний год подписка на все журналы жестоко понизилась! Tu l'as voulu, George (s) Dandin![7] Ф. Б.»{38}. Не можем знать, до какой степени верно это статистическое известие о понижении подписки на все журналы нынешнего года, – не знаем, потому что не имели ни возможности, ни охоты поверять хозяйственные счета других редакций, а в счетах своей собственной видим нынешний год значительное против прошлого приращение числа подписавшихся; но удивляемся промаху, который дал Г. Ф. Б. утверждением о понижении подписки на все журналы, тогда как несколько строк выше он говорит о благосклонном принятии публикою «Репертуара», соединенного с «Пантеоном»{39}, и «Эконома» – трех журналов, издаваемых им же самим, Ф. Б.!..

В IV № «Русского вестника» воспоследовал ответ «Северной пчелы». В нем было очень ловко, и даже не без силы, замечено:

- 1) что слово concurrence лучше перевести словом соревнование, чем словом сотрудничество, и что только одно соревнование может поднять наши журналы, вместо того чтоб уронить их, как думает Г. Ф. Б.
- 2) что «Библиотека для чтения» не имеет ничего общего, по своему плану, с английским reviews[8], но скопирована с одного московского журнала (известного, по словам автора статьи, но не поименованного им; – можно, впрочем, догадываться, что он разумеет «Телеграф»), что Г. Сенковский нисколько не содействовал успеху «Библиотеки», а, напротив, «вскоре заставил отказать от участия в ней всех литераторов», что монополия «Библиотеки» была вредна русской литературе и что теперь «Библиотека для чтения» самый плохой из всех русских журналов (стр. 49).
- 3) что «Русский вестник» никогда и не думал изменять своей программы, никогда не завидовал успеху «Эконома» и всегда ему радовался: в коммерческом отношении – славно идет: смеются, а покупают!

Затем следуют мнения хозяйственной статьи «Русского вестника»; но как это для нас не интересно, мы и пропускаем это, а лучше вполне выпишем следующие нотации статьи «Русского вестника» Г-ну Ф. Б.:

- 1) Бесспорно, что «Репертуар» и «Эконом» журналы хорошие, потому что сам издатель их хвалит, но, по единогласным отзывам, «Репертуар» в нынешнем году далеко, однако ж, отстал от прошлогоднего. Спросите у кого угодно. Говорят, что выбор пьес в нем очень плох, что переводы в нем весьма небрежны, что он вовсе не выполняет своего обещания: быть зеркалом всемирной драматургии, наполняться лучшими пьесами и улучшаться в литературном и художественном отношении. Мнение не наше. Мы в восторге от «Репертуара», но – ведь другим рта не завяжешь.
- 2) Мы также в восхищении от «Эконома», но опять другие говорят – ведь мало ли дерзких таких судей, – говорят, что «Эконом» также далеко не исполняет своей программы; что будто бы самая интересная его часть та, где говорится о кухне; экономическая – собственно весьма, дескать, плоха, а технологическая так уже и очень плоха. Мы не смеем сами судить, но повторяем слова других. Мы слышали, например, как одни агроном смеялся над аксиомами, которые выставлены за

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru основания сельского хозяйства на стр. 26-й «Эконома» (лист 56); как один фабрикант тоже подсмеивался над крашением шелка, шерсти и бумаги берлинского лазурью («Эконома» лист 53, стр. 3) и, наконец, как один гастроном хохотал, рассказывая о способе домашних поросят сделать дикими и поросычьему мясу придать вкус кабаньего («Эконом», лист 63, стр. 88). Повторяем, что мы сами судить не смеем, но сказанное нами и еще много других замечаний слышали от знатоков («Русский вестник», стр. 56). Кроме этих двух нотаций, в остроумной и дельной статье «Русского вестника» находится еще следующее любопытное библиографическое известие:

Если все это правда, то остерегитесь, «почтеннейший» Ф. Б. – Знаете ли что? Если это правда и за «Репертуаром» и «Экономом» есть грешки, то здесь полагаем мы главную причину в том, что против «Эконома» и «Репертуара» нет теперь никакого сотрудничества. Не только вероятным, но достоверным почитаем мы, что сотрудничество заставило бы почтенного Ф. Б. еще старательнее и тщательнее заботиться о «Репертуаре» и «Экономе» и придать сим изданиям более положительного и прочного достоинства. Вот почему с удовольствием слышали мы известие, будто бы в следующем году появятся три повременные новые издания. Одно из них будет посвящено драматической словесности и сценическому искусству, а два другие, – одно под заглавием: «Практический журнал технологии и сельского хозяйства» обвинит технологию и сельское хозяйство, а другое под титулом: «Журнал русской хозяйки» заключит в себе статьи о кухне, прачечной, погребе, домашнем хозяйстве, городском вообще, о огородах, садах, припасах, запасах и проч. и проч. – Все это только покамест слухи и предположения, но мы слышали, что драматического журнала редакцию принимает на себя какой-то опытный литератор, хозяйственного первого – практический агроном, а другого – опытный эконом, при пособии многих хозяев, экономок, поваров, кондитеров, прачек, ключниц, погребщиков, пивоваров, уксусников, дворников и проч. Такое известие должно порадовать почтенного Ф. Б., как «величайшего приверженца специальных журналов», заставляя его в то же время более заботиться о своих изданиях («Русский вестник», стр. 59).

Прежде чем скажем, что и как возразил г. Ф. Б. на эту статью, мы должны заметить, что IV № «Русского вестника» необыкновенно счастливо задался г-ну Ф. Б. – В отделе «Новые русские книги», в разборе «Комаров» г. Булгарина, мы встречаем сии поразительные беспристрастием и истиною строки:

Нам не понравилось в «Комарах» одно: перепалки Ф. Б. с литературною братиею и беспрестанное толкование его о том, что на него все нападают; что все на него нападающие не правы; что большая часть из них очень глупы; что нападения их служат ему в пользу; что он их не боится. Не пора ли перестать? Все исчисленное нами повторяется Ф. Б. беспрестанно, и какая же песня не припоется, если беспрестанно петь ее? Дело очень простое: на Ф. Б. нападают – правда, а он разве никого не трогает? Как же требовать, чтоб задеть молчали, если еще не было примера, чтоб Ф. Б. оставил когда-нибудь без ответа самое невинное и кроткое замечание? Кто погрозит ему иголкой – он рубит того мечом, а кто бросит в него хлопущку – он отвечает из пушки, когда при том из десяти перепалок девять всегда начинает Ф. Б. Вопрос о том, все ли противники Ф. Б. не правы, думаем, и сам он по совести решит отрицательно. Совершенство не дано в удел человеку, а ошибки неизбежный удел его. Задачу о том, все ли соперники Ф. Б. дураки, невежды и негодяи литературные, опять почитаем мы бесспорно отрицательною. Если же нападки на Ф. Б. ему не вредны, а полезны, из чего же заводить споры и шум? А что Ф. Б. не боится нападков, пора публике увериться и без непрестанных о том напоминаний с его стороны. Скажем откровенно: замолчи Ф. Б., и никто не затронет его. Не угодно ли ему не заводить споров хоть полгода, хоть для опыта, для удостоверения в словах наших? Посмотрите, как все будет тихо и смирно («Русский вестник», стр. 21).

Не правда ли, что теперь очень любопытно знать содержание той огромной, сильной, доказательной и остроумной статьи, которую г. Ф. Б. возразил на статьи против него в № IV «Русского вестника»? Вот она, эта огромная, сильная, доказательная и остроумная статья, вся, от слова до слова, со всею ее огромностию, силою, доказательностию и остроумием:

Помните ли, что в «Русском вестнике» напечатан был совет топить печи взамен дров кочерыжками и стеблями земляных груш? В «Северной пчеле» было скромно замечено, что это – небылицы. И вот «Русский вестник», издаваемый под главным надзором всезнающего Н. А. Полевого, вельми разгневался и выстрелил из всех своих батарей в одного из издателей «Северной пчелы», Ф. Булгарина, приняв за военный клик: *Rira, qui rira le dernier!*[9] – Мы также принимаем этот девиз и будем иметь

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru честь отвечать «Русскому вестнику» в отдельной литературной статье. Мало почтенному Н. А. Полевому литературной славы: он соблазнился славою изобретателя карболеина и избрал кочерыжное топливо, от которого нас мороз по коже забирает! (видите ли – что значит страсть единоторжия!) – Итак, до свидания, милый «Русский вестник»! («Северной пчелы» № 119), И только? Да тут ничего нет, кроме того, что называется chute complete?[10]{40} – восклицает читатель. – Да чего же вы и хотите? – отвечаем мы. – Против правды, хорошо высказанной, нечего сказать... Тут поневоле придется отделяваться словами: вельми, милый «Вестник» и т. п. А отдельная литературная статья? – Разумеется, ее не было, потому что не могло быть. – Но вместо ее было вот что:

В № 130 «Северной пчелы» извещается, в фельетоне, о представлении в Москве «Елены Глинской», драмы г. Полевого.

Дирекция (по словам фельетона) сделала все от нее зависящее, но не могла придать драме занимательности... Парашу-сибирячку, Парашу давайте нам, почтенный Н. А. Полевой! На что нам шекспириться – Параша, Иголкин нам по сердцу: мы не спрашиваем, откуда и как вы почерпаете сюжеты для ваших драм и как их кроите и сшиваете. Было бы хорошо, а мы всё прощаем! Пусть вас другие упрекают, будто вы, почтенный Н. А. Полевой, извлекаете много из чужих сочинений; мы никогда не станем упрекать вас в этом, когда пьеса ваша понравится публике. Нам до итога нет дела. Когда пирог хорош, мы не спрашиваем, из чьей муки он спечен, и благодарим того, кто нас накормит. Извините, это сравнение экономское, и хотя вы так жестоко разгневались на «Эконома» (когда же это?), а и он готов праздновать ваше торжество на сцене. Мы люди не злопамятные, правду скажем, а лгать, выдумывать и унижать никого не станем. – Сельского хозяина из вас никогда не будет, почтенный Н. А. Полевой; в критиках ваших, особенно в антикритиках, всегда более страсти, нежели правды, но для сцены вы человек золотой, и мы вам низко кланяемся!

Вот истинное беспристрастие! Г-н Ф. Б. заодно нападает на г. Полевого, а за другое хвалит его: нападает за критику его на Ф. Б., а хвалит за драматические сочинения!.. Это напоминает басню Крылова «Лев и Барс», которая оканчивается этим стихом:

Кого нам хвалит враг, в том верно проку нет.

В № 142 «Северной пчелы», при разборе «Дагерротипа», г. Полевому досталось порядочно за его рассказ «Семен Семенович Огурчиков». Там, между прочим, сказано:

Мы с благоговением читали некогда разбор П. А. Полевого китайской грамматики отца Иакинфа, удивляемся великим познаниям Н. А. Полевого по всем возможным отраслям человеческих сведений и только ждем осени, чтоб употребить в дело новое его изобретение и вместо карболеина топить печи капустными кочерыжками и стеблями земляных груш, как почтенный Н. А. Полевой советует в 4-й книжке «Русского вестника» на сей 1842 год.

Затем следуют доказательства, что г. Полевой написал своего «Огурчикова» по грамматическим формам печенежского языка. Это, извольте видеть, – маленькое, невинное мщение за намеки г. Полевого (подкрепленные некоторыми словами и выражениями г. Ф. Б., выписанными курсивом), из которых ясно значится, что Ф. Б. держится, в своих русских писаниях, литовско-белорусской конструкции. «А вы (восклицает фельетонист), почтенный Н. А. Полевой (что за гостинодворская вежливость: все «почтенный», да «почтеннейший», да по имени и по отчеству!..), подмечаете наши описки в ежедневном листке, выставляете их наружу, а г. Ламбину уже не даете и уголка на поприще литературы!» – «Нам весьма прискорбно, что почтенный Н. А. Полевой пишет и печатает такие статьи, как «Семен Семенович Огурчиков»! Длинно, широко и тяжело... Вообще замечают, что с некоторого времени... Но довольно об этом!» – Действительно, «Огурчиков» г. Полевого, скажем и мы, плох из рук вон, но все же ничем не хуже ни «Иголкина», ни «Параша», а г. Ф. Б. нашел его плохим явно за статью в № IV «Русского вестника». Можно сказать, по этому случаю, что не ему бы, г. Полевому, это слышать и не ему бы, г-ну Ф. Б., это говорить... Тем в фельетоне № 142 «Пчелы» и кончается о г. Полевом; но есть много-много интересного о «Дагерротипе»; например:

Издатель «Дагерротипа» вовсе не виноват! Он думал, что нашел клад, когда приобрел широкопечатное писание с огородным названием писателя, который один из всех сказал печатно: «Я знаю Русь, и Русь меня знает»{41}. Семен Семенович Огурчиков говорит не то.

Затем следует опровержение известия, помещенного в «Дагерротипе»:

Автор писем говорит об актере Громе, о пьесе «Елена Глинская», утверждая, что теперь стало тише! То есть веря, что будто прежде был шум, гам и суматоха! Мы этого вовсе не заметили. Было всегда очень тихо, а теперь и совсем заглохло. Но лучше всего в фельетоне № 142 «Пчелы» следующий афоризм:

Нет спора, что для гениальных писателей все равно, что ни говорят об них в каком-нибудь захоластье и, например, Евгений Сю, Дюма, Гюго не упадут оттого, если какой-нибудь квасник, выучившийся грамоте самоучкою, станет напрягать свои силы, чтоб доказывать их ошибки.

Глубоко вошла стрела хозяйственной заметки «Русского вестника» в чувствительное сердце редактора «Эконома»! О чем бы ни говорил он, непременно обратится, хоть вскользь, к тому же предмету. Для этого «Пчела» даже пустилась, в № 157, в критику, в которую пускается она только в крайних случаях, и размахнулась разбором книжки г-жи Авдеевой «Записки о старом и новом русском быте». Вот два примечательнейшие места в рецензии г. ф. б.:

Быть может, есть на свете и такие люди, которые, зная, как несправедливо поступил с нами Н. А. Полевой (упомяная в «Русском вестнике» о нашем скромном «Эконе» и о «Репертуаре» и «Пантеоне», над которым мы имеем надзор, в отсутствие издателя), подумали, что мы воспользуемся случаем и отплатим седемерицею или зуб за зуб, око за око... Жалеем, если есть такие люди, которые могут думать, что личные отношения в состоянии совратить с истинного пути старинного литератора, любящего душою словесность и почитающего справедливость и любовь к истине высшим качеством в критике.

По языку и слогу своему эта выходка г. ф. б., особенно после писателя с огородным прозвищем и квасника, самоучкою умучившегося грамоте, напоминает слова Чичикова при торге мертвых душ у Манилова: «Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов, хотя за это и потерпел на службе, но уж извините: обязанность для меня дело священное – я немею перед законом» («Мертвые души», стр. 62).

Нет! нам дела нет, кто писал книгу, а мы должны отдавать отчет, какова книга, и потому, прочитав с удовольствием записки К. А. Авдеевой, желаем всем любящим Русь насладиться этим чтением. Книга написана легко, рассказ живой, и если Н. А. Полевой мог поправить какую-нибудь кавычку в книге своей сестры, то не мог сообщить ей слога.

Редкое беспристрастие! Оно тем более бросается в глаза, что сочинитель так и подносит его к глазам читателя... А манера выражаться – все-таки чичиковская; но она тем лучше, что г. ф. б., браня «Мертвые души», подражает их героям в способе выражаться...

Засим – конец! Вся эта повесть, которую мы рассказали как факт и материал для будущего историка русской литературы, кажется нам, по ее содержанию, забавною и поучительною не меньше «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Это поразительное сходство между истинным событием, сейчас рассказанным нами, и вымышленною повестью может служить тысячею первым доказательством, как глубоко воспроизводит Гоголь в своих созданиях действительную жизнь: чем больше понимаешь ее, тем больше имеешь случаев на каждом шагу припоминать то ту, то эту повесть Гоголя или то это, то другое место из повестей Гоголя. Там два друга, вполне достойные один другого, поссорились, разорвали долголетнюю дружбу – из чего же? – из того, что один не согласился уступить свое ни к чему не годное ружье за большую здоровую свинью... Здесь двое литераторов, соединенных издавна дружбою, ссорятся – из чего же? – из кочерыжек!.. Правда, эта дружба разрывалась уже не раз, и разрыв всегда был или из ничего, или из правды, сказанной одним из них насчет плохих карт к плохой истории другого;{42} но все-таки приятно, умирительно было видеть для нашего враждующего литературного мира, как они всегда адресовались один к другому с полным уважением, с титулом «почтенного» и «почтеннейшего», называя друг друга или просто по имени и по отчеству, или, в торжественных случаях, даже не только по имени и отчеству, по притом и с присовокуплением фамилии... Как образованные литераторы, они даже и в споре и в ссоре не оставили этих изящных форм светского обхождения; но теперь это уже не искренно... Нам скажут, что в ссоре виноват один и что другой вел себя в ней и твердо и умно, отвечал ловко и остро, и что, следовательно, все смешное остается на стороне только первого. Согласны, вполне согласны; но мы думаем и убеждены, что во всяком случае литературная ссора с приятелем ставит каждого в комическое положение, для избежания которого только одно средство – избегать дружбы с сочинителями, с которыми можно завязаться в

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
кочерыжечную перепалку, или уже, уважая себя, терпеть от них все... Впрочем, у
всякого свой образ мыслей...

* * *

История о «Мертвых душах» все еще продолжается: о них толкуют и спорят в
публике, о них рассуждают в журналах. Прислушиваясь к толкам и приглядываясь к
печатным суждениям, невольно видишь материалы для новой поэмы в том же роде...
Многие печатные суждения так и смотрят – кто Ноздревым, кто размазней-Маниловым,
уездным сентиментальным мечтателем, кто Селифаном, резонерствующим с лошадьми...
Из хвалителей каждый находит героя по себе, говоря: вот одно лицо благородное и
умное. Один из критиков не шутя провозгласил, что все лица гадки (по отношению к
ним самим, а не к искусству), кроме... кого бы вы думали?... не отгадаете!.. кроме
Селифана! Критик видит в нем неиспорченную русскую натуру... В чем же состоит эта
неиспорченная натура? – В том, что она напивается пьяною не по грубой
животности, а потому что с хорошим человеком приятно выпить... Право так! Впрочем,
есть и другие доказательства неиспорченной натуры Селифана: это его готовность
быть высеченным, сердечность, с которою он говорит о милой ему конюшне и
знакомой ему припарке... Хороша неиспорченная натура!.. Впрочем, и этим еще не
кончились доказательства в пользу неиспорченной натуры Селифана: ко всему этому
критик прибавляет его приятельское обращение с лошадьми... Теперь понимаете ли,
что такое неиспорченная натура, по мнению критика?... Теперь понимаете ли, что
если кто не пьет сивухи, не напивается на смерть с первым встречным и
поперечным, считая его за хорошего человека, кто не разговаривает с лошадьми и
не позволит взыскать себя известною милостию по спине, – горе тому: он
испорченная натура! он покорился обаянию лукавого Запада, погубил и душу и тело
свое навеки!.. {43}

* * *

Когда вышел «Ревизор», один известный критик отказался писать о нем, видя в нем
грязное произведение; один журнал отказался напечатать у себя повесть Гоголя
«Нос», находя ее также грязною; {44} недавно один критик поставил Гоголя, в ряду
русских поэтов, ниже г. Павлова (писателя даровитого, но совсем не Гоголя) {45}.
Жаль, что некогда справляться, а то бы можно было много найти фактов,
доказывающих, что иные критики с некоторого времени совсем иначе заговорили о
Гоголе, нежели как говорили о нем прежде, и еще очень недавно. А между тем
посмотрите, как они сердятся, что другие поняли Гоголя, так сказать, со дня его
вступления на литературное поприще и что осмелились намекнуть на это, как на
свою собственную заслугу, из опасения, чтоб их не смешивали с повторителями
чужих мыслей и даже слов, за неимением своих!.. Кто постоянно следит за нашею
литературою, тот знает, где в первый раз Гоголь был оценен. Может быть, многие
знают и без указаний, где и кто говорил, и после того, о Гоголе в том же духе и
том же тоне... Почему ж бы и не заметить того, что принадлежит вам по праву?... Но
люди неблагодарны: вы же их научите, вы же кое-как наконец вдолбите им
что-нибудь в их крепкие черепа, – и они же за это пошлют вас на толкучий рынок,
услужливо снабдят вас своим же медным лбом, обвинят в самохвальстве и объявят
вашу фигуру тощею, как будто это страшный недостаток и как будто педантическая
фигура с брюшком лучше тощей фигуры... Но, что всего забавнее, они назовут ваши
похвалы автору непрошеными, как бы намекая тем, что у них этот автор выпрашивал
их запоздалые, с чужого голоса взятые похвалы... Что касается до нас, – объявляем
во всеуслышание, что те писатели, которых мы хвалим, никогда не просили наших
похвал и что мы хвалим даром... {46}

* * *

Один критик видит в Гоголе существо двойное или раздвоившееся: одна половина,
видите ли, смеется, а другая плачет... Оригинальная мысль! Есть люди, которые
никак не могут понять смеха в слезах, особенно же слез в смехе, и хотят все
делить и различать механически, чтоб иное великое явление как-нибудь сделать
доступным своей ограниченности {47}.

* * *

Вероятно, многим случалось видеть людей, которые, побывав в Париже и возвратись
в Россию, говорят при всяком случае: «у нас в Париже»? Так некоторые критики, о
чем бы ни говорили, никак не могут обойтись без Италии. Один из таковых делает
Гоголя учеником Гомера, Данта и Шекспира {48}. Признаемся, мы не видим в «Мертвых

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
душах» следов изучения этих великих образцов. Что автор «Мертвых душ» может совпадать с ними – против этого не спорим; но причина этого не изучение, а то, что поэзия не может не совпадать с поэзией. Между всеми ими есть одно общее, – именно то, что все они поэты...

* * *

Некто, толкуя вкось и вкривь, по крайнему своему разумению, о Селифане, о дяде Митяе и дяде Миняе, обвиняет Гоголя в односторонности, в том, что он показывает русских только с одной их стороны. Критику очень не нравится, что пьяный Селифан опрокинул бричку и вывалил из нее своего барина и что дядя Миняй и дядя Митяй своим вмешательством только больше запутали дело. Критик твердит одно: русский человек за пояс заткнет немца; русские мужички в дороге очень бескорыстны. Последнюю истину очень хорошо знают все, у кого в дороге ломалась ось экипажа или экипажу случилось завязнуть в грязи или зажоре... Критик еще утверждает, что русский мужик, хоть и прихвастнет и опрокинет спьяну, зато и «выедет на авосе по соломенному мосту». Правда! но правда и то, что много людей пропадает в оврагах, реках, на мостах и пр. благодаря авосу...{49}

* * *

Но из всех забавных мнений, высказанных по случаю «Мертвых душ», самое забавное, без сомнения, то, что фантазия Гоголя хлебосольная... Гоголь – видите – не потому так отчетливо рисует главные характеры и так ярко, одною или несколькими чертами, как бы вскользь и мимоходом, изображает множество второстепенных и как будто случайно подвернувшихся характеров, не потому, что он верен действительности, а потому, что его фантазия русская, стало быть, и хлебосольная, и держится пословицы: что есть в печи, все на стол мечи... Милая критическая наивность! Черта из золотого века!..{50}

* * *

Но вот еще такая же буколическая черта: один из критиков, желая похвалить Гоголя, так выражается о его слоге: «Речь его рассыпчата, как сдобное тесто, на которое не пожалели масла; она льется через край, как переполненный стакан, налитой рукою чивого хозяина, у которого вино и скатерть нипочем; оттого-то и период его бывает слишком грузно начинен, как пирог у затейливого гастронома, который купил без расчета припасов и не щадил никакой начинки...»{51} Воля ваша, а эта кухонная похвала, должно быть, непрощеная...

* * *

Да, много забавного и мало дельного в нашем пишущем мире; но есть и дельное. В 3-й книжке «Современника» на нынешний год прочли мы умную и прекрасно написанную статью о «Мертвых душах», означенную литерами «С. Ш.» и присланную в журнал из Житомира{52}.

* * *

«Северная пчела», извещая (№ 196) о поставке на московской сцене выписок из «Мертвых душ», замечает, что при них «лучше бы всего было представить в лицах драматическую картину на «Мертвые души» из последней (8-й) книжки «Библиотеки для чтения», и прибавляет, что «это было бы и кстати, и умно, и забавно, и дельно, и полезно как для автора, так и для публики». – Многие, совершенно соглашаясь с этим мнением, находят, что еще было бы лучше после драматической картины на «Мертвые души» из «Библиотеки для чтения» представить драматическую картину на «Библиотеку для чтения» из девятой книжки «Отечественных записок»[11] и что это было бы и кстати, и умно, и забавно, и дельно, и полезно как для автора драматической картины на «Мертвые души», так и для публики...

Продолжение

Литература и ее успехи тесно связаны с книжною торговлею и ее успехами. Иногда литература может находиться в состоянии бездействия и апатии именно потому, что литераторам негде поместить свои произведения и нет средств издавать их отдельно. Чтб посвятить всего себя литературе, необходимо в своей же литературной деятельности найти и средства к своему существованию. Исключение остается только за людьми богатыми, которых богатство не зависит ни от службы, ни от торговли,

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru ни от другого постоянного занятия, отнимающего время и силы, необходимые для работ литературных. В наше время эта мысль – аксиома; следственно, нет никакой нужды ни развивать, ни доказывать ее. Торговля не унижает и не может унижать таланта, потому что в обществе все торговля, то есть обмен труда на деньги, представляющие собою ценность вещей. Назад тому лет десять с небольшим понятие о плате за литературный труд заключало в себе что-то соблазнительное, неприличное и унижительное, так что, когда основалась «Библиотека для чтения», один литератор написал статью «Литература и торговля» или что-то в этом роде{53}. А в старые добрые времена нашей литературы (до самого Пушкина) журналы наши издавались даром, и все расходы издателей ограничивались только платой за типографскую работу и бумагу. Писатели были народ бедный, а книгопродавцы наживались. Это происходило от дурно понятого барства, которое боится труда, как унижения, а платы за труд, как позора. Литераторы занимались литературой, как благородным, приятным и даже полезным развлечением, и в этом выразилось совершенно детское понятие о литературе. Наше время называют, в похвальное отличие от этого доброго старого времени, торговым: мы думаем, что его следовало бы, в этом отношении, называть умным. Бывало, какой-нибудь сметливый книгопродавец наберет томов пять или, пожалуй, и десяток чужих сочинений, хороших и дурных, да и выдаст их под громким и заманчивым титулом «Образцовых сочинений»{54}. Что же? Те, чьи сочинения попали в сборник, не могли нарадоваться чести, которой их удостоили; а те, которые не попали в образцовые, считали себя обиженными. В журналистике было то же самое: только печатай журналист, а статей и переводных и оригинальных нанесут ему множество! И все это «из славы», ибо не только под всякую стихотворного дребеденью (шарадой, мадригалом, рондо и т. п.) подписывалось имя, но и под всяким переводцем, хотя бы в страничку величиною, четко и ясно печаталось: «перевел такой-то». Видеть свое имя в печати – боже мой! это такая радость, такая честь, такая слава, что о труде и потерянном времени хлопотать не стоит! Да и много ли тогда нужно было труда и времени: переведите с французского статейку, скропайте мадригал или рондо, – вот и известность и слава по крайней мере на десять лет, потому что и статейку и рондо забывали, а литератором, писателем, да еще образцовым и первоклассным, величать не переставали. Теперь не то: теперь только разве школьники, безбородые отроки готовы забыть и ученье, и службу, и все на свете ради чести видеть в печати свое имя; да и те уже, гоняясь за славой, стороною все-таки заводят речь о том, «по скольку с листа». Кто же успел два раза пройтись бритвою по своему юному подбородку, тот уж о славе и не упоминает, а прямо начинает – с денег. Он знает, что теперь зашибить славу довольно трудненько и что для редких она является благоухающим фимиамом, для большей части бывает дымом, который выедает глаза и производит тошноту, особенно в пустом желудке. Что в наше время много людей, которые пишут для одних денег, без познаний, без таланта, без призвания, – это правда; но что ж до этого? Если тут и зло, то зло необходимое. Разве можно требовать уничтожения вина, потому что на свете много пьяниц?.. Истинный талант и в наше время не станет писать для денег, хотя без денег и не захочет отдавать своего труда другим. Истинный талант не скажет себе: «Денег нет, дай-ка что-нибудь напишу»; нет, он продаст уже сделанное, написанное не для денег. Нужда в деньгах может заставить его только не терять времени на написание того, что свободно возникло и развилось в фантазии или уме его и что осталось ему только положить на бумагу. Да и тут желание сделать лучше часто бывает причиной продолжения стесненного положения...

Никто не сомневается, что цветущее состояние книжной торговли, как средство обеспечения трудов писателей, много значит и для цветущего состояния литературы; но едва ли кто, кроме «Северной пчелы» (зри № 227), решится утверждать, что капиталист-книгопродавец может создать литературу своими деньгами! Если цветущее состояние книжной торговли помогает процветанию литературы, то и цветущее состояние литературы помогает процветанию книжной торговли: это круговая порука, тут все дело во взаимодействии. Деньги поддерживают литературу, но не создают ее: иначе литература была бы слишком пошлым явлением в жизни. Источник литературы – дух, гений, разум, историческое положение общества...

Всему Петербургу известно теперь, что новый книгопродавец г. Ольхин открывает большой книжный магазин на Невском проспекте. Владея значительным капиталом и находясь в связях со всеми петербургскими книгопродавцами, он действительно может многое сделать, и от него многого можно надеяться – в отношении к поддержанию упадавшего кредита публики к книгопродавцам, но отнюдь не относительно оживления мертвой русской литературы, как уверяет «Северная пчела». Г-н Ольхин может довершить тот спасительный переворот, который начал в недавнее время г-м Ивановым. Всей русской читающей публике известно, как г. Иванов начал

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru свое книгопродавецкое поприще: – скромно, почти без всяких средств, кроме собственной деятельности, расторопности, усердия и честности, – начал с управления конторою «Отечественных записок», и вот теперь он уже едва ли не лучший русский книгопродавец. Он комиссионер почти всех провинций России, и его оборот уже весьма значителен. А спросите его, как достиг он этого? Очень просто: надобно было только поступать честно с своими корреспондентами. Например, житель провинции высылал к нему деньги на покупку книг: он денег этих не брал себе, не бросал письма в корзинку с ненужными бумагами и не оставлял корреспондента своего без денег, без книг и без ответа на многократно повторяемые письма; он по первой же почте отсылал требуемые книги по настоящей их цене, а вместе с ними и счет, и отчет, и расчет. Естественно, появление такого человека не могло не обрадовать иногородних покупателей книг: ибо, кроме того, что никому не приятно мучиться пустым ожиданием и, вдобавок, потерять свои деньги, – всякому хотелось бы, особенно живя в глуши, вовремя получить ожидаемую литературную новость. Г-н Иванов понял, как много значит удовлетворение подобной потребности, начал действовать сообразно с этим, – и здесь-то причина его успехов. Очень хорошо было бы, если б на Руси развелось поболее таких книгопродавцев, как г. Иванов. Вот почему нельзя не радоваться, слыша о появлении нового книгопродавца, на которого можно полагать прочные надежды. Если г. Ольхин оправдает эти надежды, – в чем мы и не имеем никаких причин сомневаться, – тогда честь нашей книжной торговли может восстановиться вполне. Его коммерческая оборотливость, подкрепляемая значительными денежными средствами, при честности, расчетливости и аккуратности, может дать новое движение делу. А от этого не может не быть своей пользы (до известной степени) и бедствующей во всех отношениях русской литературе. Но с этой-то стороны и должно г. Ольхину показать себя; это будет пробным камнем его книгопродавецкого умения. Если он, по примеру иных, сделается исключительным поборником какой-нибудь литературной партии, будет скупать у нее разный хлам, бесполезно тратясь на его издание, то в этом не будет пользы ни для литературы, ни для книжной торговли, ни, следовательно, для него самого. Ничто так не вредит авторитету и выгодам книгопродавца, как издание лежалого хлама выписавшихся сочинителей. Этим гарпиям то и на руку; но тут-то книгопродавец и должен держать, что называется, ухо остро. Поставщики книжного товара, потерявшие уже кредит в публике, которую когда-то удавалось им поддевать, тотчас проведуют о деньгах нового книгопродавца и явятся к нему с предложением своих услуг, станут навязывать ему свои продукты, плеснеющие в кладовых, или отрекомендуют новые, задуманные ими спекуляции на доверенность публики, будут обещать хвалить его в подручных им газетах и журналах, если он примет их предложения, или ругать и преследовать в случае отказа. Но пусть г. Ольхин не смущается ни этими угрозами, ни лестными обещаниями: они ровно ничего не значат! Исправность и честность в исполнении принятых обязанностей – вот одно, что может доставить ему кредит в публике; продажные похвалы никого поддержать не могут, равно как и брань обманутого в расчетах своих корыстолюбия не уронит честного и исправного книгопродавца. Перед глазами много примеров, как гибли книгопродавцы, убаюканные похвалами и обещаниями своих покровителей, которые, высосав из них все, что можно было высосать, после сами же смеялись над ними{55}. Первейшая обязанность книгопродавца – не приставать ни к какой партии, быть книгопродавцем, а не полемистом... Желаем от души, чтоб г. Ольхин принял к сведению эти советы наши, подаваемые ему с самым чистым побуждением.

«Северная пчела» извещает еще, что г. Ольхин, по примеру г. Смирдина, соединит в одном толстом ежемесячном журнале труды всех русских литераторов. Не знаем, до какой степени было бы полезно русской литературе соединение трудов всех наших литераторов; но знаем достоверно, что это соединение – дело решительно невозможное, особенно в настоящее время. «Северная пчела» фактически ошибается, утверждая, будто подобное соединение существовало когда-то в «Библиотеке для чтения». Самое сильное соединение в этом роде было в первом (1834) году издания «Библиотеки для чтения»; но и тогда оно было соединением трудов далеко не всех русских литераторов; в ней совсем не участвовали гг. Гоголь, Лажечников, Н. Ф. Павлов, М. Г. Павлов, Вельтман, Даль, Плетнев, Н. Полевой, Надеждин, Андросов и многие другие. Мало того, что еще в том же 1834 году издавались «Телеграф» и «Телескоп», имевшие своих постоянных сотрудников, которые не очень интересовались честью красоваться на страницах «Библиотеки для чтения», – в 1835 году основался еще новый журнал, «Московский наблюдатель», и основался именно для того, чтоб целой части русских литераторов было где печатать свои статьи. Но теперь мысль о подобном соединении еще несбыточнее: теперь издается в России несколько журналов, соединяющих в себе труды одинаково мыслящих литераторов, которые и сами не захотят участвовать в журнале, чуждом их убеждению; да если б и захотели, то для журнала от этого мало было бы прибыли, ибо из их соединенных

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru трудов вышел бы престранный дивертисман. Но этого не может быть, во-первых, потому что не все же русские литераторы готовы с аукциона продавать свою деятельность или для денег дробить и растягивать ее на несколько журналов; а во-вторых, не все же из существующих журналов издаются даром: между ними наверное найдется хоть один, который платит за статьи... Сверх того, если бы и возможно было соединить в одном периодическом издании труды всех русских литераторов, – из этого издания вышел бы еще только сборник, а не журнал. Журнал составляет мнение, а не сбор случайно набранных статей. За мнение журнала может ручаться только имя редактора, а мы знаем наперечет имена всех русских литераторов... Кто же будет редактором журнала Г. Ольхина? Это вопрос, без решения которого нечего и говорить о журнале. Пожалуй, найдется и редактор, и журнал будет с мнением, – но с каким? – вот еще вопрос!.. Если мнение нового журнала будет состоять в том, что Сократ был плут, что ум человеческий – надувало, что греки раскрашивали свои мраморные изваяния, что исторический роман есть незаконный плод прелюбодеяния истории с поэзией, что «Мертвые души» Гоголя – плоское и бездарное произведение, а «Сердце женщины» Г. Воскресенского – превосходный роман, так, как некогда «Ледяной дом» Г. Лажечникова очутился плохим романом, а «Постоялый двор» Г. Степанова – колоссальным созданием; если.. но этим «если» не было бы конца{56}. Скажем коротко, что если таково будет мнение нового журнала, – то прошла уже безвозвратно пора таким мнениям и таким журналам. Публика уже не та, и ее нельзя, как прежде, уверить криками и воплями в приятельском фельетоне. Ведь «Северная пчела» уверяла же, что «Русский вестник» (остановившийся в нынешнем году на четвертой книжке, тогда как другие журналы издали свои одиннадцатые книжки) – лучший из всех современных журналов и что хуже «Отечественных записок» не было и нет на Руси журнала; публика рассудила же иначе!..

* * *

В № 233 той же «Северной пчелы» прочли мы фельетон, преисполненный удивительными вещами. Речь идет, между прочим, о Г. Полевом. О нем сказано тут весьма много нового и поучительного, – например, что «Комедия о войне Федосьи Сидоровны с китайцами» – фарс, который основан на нелепости (ab absurdo), но который позволяли себе первейшие драматурги, – какие именно, не сказано, почему мы и думаем, что это тонкий намек на «Шкуну Ньюкарлеби», сочинение Г. Булгарина... В этом фарсе фельетонист нашел – что бы вы думали? – идею, да еще презабавную!!!.. Потом, мы узнаем из фельетона, что никто так не понял смысла народной русской драмы и современной потребности (в чем – неизвестно!), как Н. А. Полевой; далее, что он отличается в женских ролях; потом, что Г. Краевский не имеет права судить о драмах Г. Полевого, ибо сам не написал ни одной драмы!!!.. Это, должно быть, уж насмешка над читателями «Северной пчелы». Бедные! в них не предполагается и столько здравого смысла, чтобы понять, что право критика дается способностью к критике, а не способностью или охотой делать то же, что делали критикуемые авторы. Иначе кто же бы стал критиковать Шекспира? – неужели Г. Полевой, сочинитель «Параши», «Елены Глинской», «Комедии о войне Федосьи Сидоровны с китайцами» и подобных «драматических представлений»?.. Или не господин ли Булгарин, сочинитель «Шкуны Ньюкарлеби»? И притом неужели, чтобы оценить критически дюжину плохих сценических фарсов, надо самому написать дюжину таких же фарсов? Помилуйте! это-то бы и значило лишить себя всякого права заниматься критикой... Но – извините, мы заговорились, забыли, что подобные истины новы и неслышанны только для «Северной пчелы» и разве еще для тех, кто добродушно верит ее мнениям... За этими «мнениями» о драматических заслугах Г. Полевого следует оригинальное, по искренности и нецеремонности, мнение о его личном характере. Вот оно:

Г-н Полевой большой охотник спорить и ничего не пропустит, чтобы не кольнуть своим критическим пером. Это не от сердца, а так, от привычки! У меня был приятель немец (теперь покойник), которого я в шутку называл Herr Aber, то есть господин Но. О чем бывало ни заговоришь, он во всем найдет aber! – Какая прелестная погода. – «Да, aber (но) к вечеру может перемениться». – Кушайте это блюдо, не правда ли, что оно вкусно? – Да, вкусно, aber (но) дорого и может быть не здорово». Все это говорил мой покойный приятель по привычке. Такова была его манера. А воля ваша, Н. А. Полевой немножко смахивает на моего приятеля. Лишь только он за перо, ему тотчас является перед глазами, как привидение, огромное aber (но).

Умно, мило, грациозно, по приятельски, халатно!.. Именно так и должны писать друг о друге русские сочинители – для отличия от русских литераторов...

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Конец фельетона состоит в похвалах повестям графа Соллогуба... Фельетонисту самому показалось это странно, – и он уверяет, что правда, одна только правда – больше ничего, заставила его хвалить писателя, которого недавно бранил...{57} Однако, в самом деле, что бы это значило?.. Уж не затевает ли наш фельетонист толстого ежемесячного журнала, для соединения в нем трудов всех русских литераторов, со включением и себя самого?.. Приятное будет общество!..

* * *

Перерывая старые журналы (мы ищем в них материалов для составления полной истории русской литературы и русской журналистики){58}, мы нашли в одном из них, что в старину (не дальше как в 1825 году!) был на Руси журналист, который утверждал, что Сахалин есть полуостров; когда же его уличили в неведении географии и доказали ему, что Сахалин – остров, он отвечал: «Да я там не был, может быть и остров». Тот же журналист... Но пока довольно; мы еще поговорим о подвигах этого журналиста. Прекуръзная история!..{59}

Продолжение

В десятой книжке московского журнала «Москвитянин» кто-то г. Пельт (имя, в первый раз слышимое в русской литературе!), разбирая «Комаров» г. Булгарина, не совсем кстати и совсем несправедливо зацепил мимоходом «Отечественные записки». Г-н Булгарин в своих «Комарах» приписал себе всю честь необыкновенного успеха «Героя нашего времени», который, по его словам, будто бы до тех пор лежал в книжных лавках, не трогаясь с места, пока «Северная пчела», сжалившись над ним, не похвалила его{60}. Справедливо осуждая неуместную выходку г. Булгарина, (г. Пельт) замечает в выноске:

Заметим здесь кстати подобную же выходку «Отечественных записок». Безыменный рецензент (точно ли безыменный, господи?... спросим мы в скобках...), разбирая «Мертвые души», говорит, что «Отечественные записки» первые открыли дарование Гоголя и указали на него всей читающей Руси, когда еще до их рождения, при каждом представлении «Ревизора», театры обеих столиц были полны, а «Миргород» оценен был по достоинству во всех благомыслящих журналах. Но стоит ли все это опровержения? Хорош был бы талант, для открытия которого потребно б было существование «Отечественных записок».

Мы с этим совершенно согласны: что за талант, для открытия которого потребно было бы существование какого бы то ни было журнала – не только «Отечественных записок», но даже и «Москвитянина», того самого «Москвитянина», который недавно открыл, что Гоголь, по акту творчества, равен Гомеру и Шекспиру и воскресил древний эпос, искаженный великими поэтами Западной Европы[12]. Да, с этим мы совершенно согласны, потому что это совершенная истина, против которой нечего сказать. Но мы не согласны с критиком «Москвитянина» в том, будто мы говорили о себе, что первые открыли талант Гоголя и указали на него всей читающей Руси, – не согласны потому, что это совершенная неправда... Во-первых, мы говорили не собственно об «Отечественных записках», а о прямой и уклончивой критиках, из которых первая, не боясь быть смешною в глазах толпы, смело низвергает ложные славы с их пьедесталов и указывает на истинные славы, которые должны занять их место, а вторая, так же понимая дело, в угоду толпе, выражается осторожно, намеками, с оговорками. Определив характер той и другой критики, вот что сказали мы еще:

Не углубляясь далеко в прошедшее нашей литературы, не упоминая о многих предсказаниях «прямой критики», сделанных давно и теперь сбывшихся, скажем просто, что из ныне существующих журналов только на долю «Отечественных записок» выпала роль «прямой критики». Давно ли было то время, когда статья о Марлинском[13] возбудила против нас столько криков, столько неприязненности как со стороны литературной братии, так и со стороны большинства читающей публики? И что же! смешно и жалко видеть, как, с голосу «Отечественных записок», их словами и выражениями (не новы, да благо уж готовы!) преследуют теперь бледный призрак падшей славы этого блестящего фразера – бог знает, из каких щелей понаползшие в современную литературу критиканы, бог ведает, какие журналы и какие газеты! Большинство публики не только не думает теперь на это сердиться, но тоже, в свою очередь, повторяет вычитываемые им о Марлинском фразы! Давно ли многие не могли нам простить, что мы видели великого поэта в Лермонтове? Давно ли писали о нас, что мы превозносим его пристрастно, как постоянного вкладчика в наш журнал? И что же! мало того, что участие и устремленные на поэта полные изумления и ожидания очи целого общества, при жизни его, и потом общая скорбь образованной и

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru необразованной части читающей публики, при вести о его безвременной кончине, вполне оправдали наши прямые и резкие приговоры о его таланте; – мало того: Лермонтова принуждены были хвалить даже то люди, которых не только критик, но и существования он не подозревал, и которые гораздо лучше и приличнее могли бы почтить его талант своею враждою, чем приязнию.. Но эти нападки на наш журнал за Марлинского и Лермонтова ничто в сравнении с нападками за Гоголя.. Из существующих теперь журналов «Отечественные записки» первые и одни сказали и постоянно, со дня своего появления до сей минуты, говорят, что такое Гоголь в русской литературе.. Как на величайшую нелепость со стороны нашего журнала, как на самое темное и позорное пятно на нем, указывали разные критиканы, сочинители и литературщики на наше мнение о Гоголе.. Если б мы имели несчастье увидеть гения и великого писателя в каком-нибудь писаке средней руки, предмете общих насмешек и образце бездарности, – и тогда бы не находили этого столь смешным, нелепым, оскорбительным, как мысль о том, что Гоголь – великий талант, гениальный поэт и первый писатель современной России.. За сравнение его с Пушкиным на нас нападали люди, всеми силами старавшиеся бросать грязью своих литературных воззрений в страдальческую тень первого великого поэта Руси. Они прикидывались, что их оскорбляла одна мысль видеть имя Гоголя подле имени Пушкина; они притворялись глухими, когда им говорили, что сам Пушкин первый понял и оценил талант Гоголя и что оба поэта были в отношениях, напоминавших собою отношения Гете и Шиллера...[14]{61}

Вот что мы сказали. Есть ли в наших словах что-нибудь похожее на то, в чем упрекает нас «Москвитянин»? Он нашел в наших словах то же самое, что и в выходке г. Булгарина: г. Булгарин прямо объявил, что единственно он дал ход Лермонтову; следственно, по обвинению «Москвитянина», и мы похвалились тем же, то есть что дали ход Гоголю.. Правда, «Москвитянин», или его безымянный критик, замечает, что мы похвалились только тем, что указали публике на Гоголя, но в таком случае что же общего между нашим «указанием» и выходкою г. Булгарина? Да сверх того, мы и не думали говорить, что «Отечественные записки» указали публике на Гоголя: мы сказали, что «из существующих теперь журналов «Отечественные записки» первые и одни сказали и постоянно, со дня своего появления до сей минуты, говорят, что такое Гоголь в русской литературе; к этому мы прибавили еще, что за это нас порицали почти все другие журналы и некоторые из читателей.. Все это правда. Кто же из существующих теперь журналов называл Гоголя великим писателем? Уж не тот ли московский журнал, который недавно поставил г. Павлова выше Гоголя, а Гоголя ниже г. Павлова?..{62} Из существовавших прежде журналов первый оценил Гоголя «Телескоп», а совсем не тот, другой московский журнал, который отказался принять в себя повесть Гоголя «Нос», по причине ее пошлости и тривиальности, и не тот именитый критик, который отказался писать о «Ревизоре», как опять о тривиальном и грязном произведении...{63}

Гоголю дал ход его великий талант; публика оценила Гоголя прежде всех журналов, но как оценила – вот вопрос! Сколько и теперь есть людей, которые не один раз прочли Гоголя, а всё говорят, что куда ему до Марлинского!.. Дело журнала оценить писателя сознательно и распространить в публике эту сознательную оценку, и мы почитаем себя вправе сказать, что «Отечественные записки» принимали едва ли не первое и не исключительное участие в деле сознательной оценки Гоголя, из всех существующих теперь журналов.. Ими же первыми, из существующих теперь журналов, оценен по достоинству Марлинский, и ими одними оценен по достоинству Лермонтов. Да, уж, конечно, Лермонтов оценен не тем критиком, который поставил Лермонтова ниже г. Хомякова, а г. Хомякова выше Лермонтова...{64} Все это факты, против которых нечего сказать, равно как и против того, что в замечании «Москвитянина», или его критике против «Отечественных записок», нет нисколько правды, а есть много неправды..

Небольшой разговор между литератором и нелитератором о деле, не совсем литературном

Н. (входя к М.) Скажите, пожалуйста, это по вашей части: что такое означает вот это стихотворение (показывая книжку журнала) к «Безыменному критику»?

М. Во-первых, это совсем не по моей части...{65}

Н. Как не по вашей? вы занимаетесь литературою, вы сами литератор..

М. Потому-то это стихотворение и не по моей части.. Впрочем, так как теперь в русскую литературу вошло много нелитературных элементов, то иногда принужден бываю читать и такое, чего сохрани бог написать....

Н. Не о том дело! Скажите, что это такое? к какому безыменному критику?

М. Само собою разумеется, к критику, которого никто не знает..

Н. Нет, разве к такому, который не подписывает своего имени под своими

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru критиками?..

М. И который поэтом никому не известен?..

Н. Ну, бог знает! Тут к нему адресуются в таком тоне, как будто его имя может сейчас же сказать каждый грамотный человек... Прочтите...

М. Я читал уже...

Н. Что за беда! Так слушайте:

Нет! твой подвиг не похвален!

Он России не привет!

Карамзин тобой ужален,

Ломоносов – не поэт!

Кто это, кто?

М. То есть, кто тот, который ужалил Карамзина? – Не знаю!

Н. Разумеется, не ужалил, а писал против Карамзина?

М. О, очень многие! Во-первых, славянофилы{66}, доказывавшие, что Карамзин испортил русский язык, что он не знает русского языка, что он пишет не по-русски и прочее; потом Каченовский, написавший между незначительными придирками ж несколько дельных замечаний на «Историю государства российского»; потом Г. Арцыбашев, между несколькими дельными замечаниями написавший и множество мелочных замечаний на историю Карамзина, помещенных в «Московском вестнике» Г. Погодина и возбудивших негодование (не совсем, впрочем, основательное и справедливое) во многих литераторах, особенно же в Г. Полевом; потом, Г. Полевой, перед выходом своей и до сих пор еще не конченной «Истории русского народа», начавший нападать на «Историю государства российского»...

Н. Ну, а Ломоносова-то кто называл непоэтом?

М. Многие и очень многие; но из всех их, конечно, всех замечательнее Пушкин. Вот слова его о Ломоносове: «Ломоносов был великий человек. Между Петром I-м и Екатериною II-ю он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет; он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом. Но в сем университете профессор поэзии и элоквиции не что иное, как исправный чиновник, а не поэт, вдохновенный свыше, не оратор, мощно увлекающий... В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких поэтов, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности – вот следы, оставленные Ломоносовым»...[15] Вся статья Пушкина о Ломоносове состоит в доказательствах, что Ломоносов был великий человек и великий ученый, но не поэт и даже не оратор.

Н. Ну, а вот дальше-то о ком идет речь?

Кто ни честен, кто ни славен,

Ни радел стране родной,

И Жуковский, и Державин

Дерзкой тронуты рукой!

М. Стихи плохи до того, что трудно понять их смысл. Кажется, надо понимать так, что дерзкою рукою «безыменного критика» тронуты все люди славные, оказавшие услуги литературе?

Н. Именно так! Кто же это?

М. Да никто. Очевидно, что это так – риторическое украшение, невинная и благонамеренная гипербола.

Н. Но кто же оскорблял Жуковского и Державина?

М. Писали о них многие, но кто оскорблял – трудно сказать, потому что в стихах не прописано: как, каким образом оскорблял. В стихотворениях, приближающихся к роду юридических сочинений{67}, надо быть как можно отчетливее; к ним не мешает даже прилагать pieces justificatives[16].

Н. Но дальше, дальше!

Ты всю Русь лишил деяний,

Как младенца до Петра,

Обнажив бытописаний

Славы, силы и добра!

Это на кого?

М. На Ломоносова и на многих старинных наших писателей, которые, и в стихах и в прозе, говорили, что Петр был полубогом России, что до Петра Русь была покрыта тьмою, но Петр, явившись, сказал: «Да будет свет!» – и бысть!..{68} Долго справляться, а фактов нашлось бы много. Впрочем, и теперь русские разделяют этот восторг к Петру наших старинных писателей. Что же касается до двух последних стихов –

Обнажив бытописаний

Славы, силы и добра, –

то, за отсутствием смысла в них, я не могу дать ответа. Дальше читать нечего –

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
ибо в этих трех куплетах высказаны главные пункты дела; в остальных содержится распространение и пояснение этих трех главных пунктов и приговор за преступление. А преступление, надо сказать, было бы великое, если б все стихотворение не было чистым поэтическим вымыслом.

Н. Но какая же причина этого вымысла?

М. Самая простая: автор болен страстию к стихомании, а талантом, как видно из этих же стихов, не богат: стало быть, он похвал себе не слышал, а горькой правды от именных и безыменных критиков наслышался вдоволь. Поэтому естественно, что ему не нравится все, что мыслит и рассуждает. Видя, что правду можно говорить и о знаменитых писателях, не только что о дрянных писаках, он с горя и закричал: «слово и дело!»{69}, дав своему восклицанию такой оборот:

О!.. когда народной славе

И избранников его (?)

Насмеяться каждый вправе –

Окрылит ли честь кого?..

Н. А и в самом деле: кто захочет трудиться, видя, что и труды великих иногда ценятся и вкось и вкривь?

М. Кто? – каждый, кто родится с призванием на великое. И какой великий действительный останавливался от мысли, что его не оценят и оскорбят? Вспомните, что говорили и писали о Пушкине, какими бранями встречалось каждое его произведение! И однако ж это его не остановило: он отвечал на ругательства новыми произведениями. Это история каждого замечательного, не только великого человека. Нет, не то, совсем не то было на уме у нашего пииты: он хлопотал не о великих... Впрочем, бог знает, о чем он хлопотал! Если спросить его, думаю, он сам не найдет ничего сказать.

В 254 № «Северной пчелы» напечатана статья: «Беспристрастие “Отечественных записок”». Судя по этому великолепному названию статьи, можно подумать, что дело идет о смерти и жизни «Отечественных записок», что беспристрастие их опровергается самыми сильными доводами; а из содержания статьи оказывается, что против беспристрастия «Отечественных записок» самим врагам их нечего сказать... Дело идет о переводе «Робинзона Крузо» Кампе, который, по уверению переводчика, имел огромный успех, но о котором «Отечественные записки» сперва отозвались, с высоты своего критического величия, милостиво, а потом, забрав справки и узнав, что переводчик Кампе имел честь в течение нескольких лет быть постоянным сотрудником «Северной пчелы», отозвались о нем немилостиво... Благодарим неизвестного переводчика Кампе за его высокое мнение об «Отечественных записках» (видно, что ему и малейшего пятна не хочется видеть в них), но да успокоится он в своей похвальной ревности к чести нашего журнала: в нашем отзыве о его «Робинзоне» нет никакого противоречия. Правда, в первый раз мы сказали: «Новый перевод книги Кампе не лишней в нашей литературе, так бедной сколько-нибудь сносными сочинениями для детей; тем более не лишней, что он сделан порядочно, со смыслом и издан опрятно»; но к этому прибавили: «Что касается до картинок, – в первой части этого новоизданного и новопереведенного «Робинзона» их только одна, представляющая грудное изображение Робинзона с бороною и в каком-то колпаке; остальные шесть не что иное, как виньетки, и притом весьма посредственные». В другой раз, говоря о «Робинзоне» Дефо, издаваемом г. Корсаковым, мы заметили, что цена этого перевода, по изданию, не высока, и нам несравненно выше кажется цена издания «Робинзона» Кампе, ибо оно на серенькой бумажке, чересчур скромненько напечатано и всего-навсё с тремя политипажами. В третий раз мы назвали «Робинзона» Кампе плохую компиляциею, напечатанною на серой бумаге, с двумя политипажами{70}. Переводчик Кампе видит страшное противоречие в трех наших отзывах о его книжонке, смалчивая про себя истинную причину этого мнимого противоречия. Дело в том, что в первый раз мы отозвались о его «Робинзоне», не сравнивая его с «Робинзоном» г. Корсакова, которого еще не было. И действительно, книжонка напечатана довольно опрятно, хоть и на серенькой бумаге; но, в сравнении с изданием г. Корсакова, она – жалка и неопрятна, а между тем по цене дороже книги г. Корсакова: последняя, великолепно и роскошно изданная, с 200-ми превосходными политипажами, по объему в пять раз больше первой, стоит пять рублей серебром; а первая с двумя политипажами (виноваты: во втором нашем отзыве мы почли виньетку за особый политипаж), в двух крохотных частицах, напечатанных на серенькой бумаге, стоит два рубля серебром. Все вещи оцениваются сравнительно одна с другой: если б переводчик Кампе за свою книжонку назначил сорок копеек серебром, – она была бы, по цене, прекрасно издана. А то, объявив, как о каком-то гражданском подвиге, что он издание свое назначает для бедных людей, пустил его по цене, чувствительной и не для бедных... Вот о чем мы говорили; но переводчик Кампе об этом именно и умолчал... Справок о сочинителях и переводчиках разбираемых нами книг мы никогда не забираем: это для нас и не нужно и не интересно, да и невозможно: – кто успеет следить за этими ежедневными

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru перебеганиями литературщиков из журнала в журнал, за этими вчерашними хвалебными гимнами новым господам сочинителям, сегодняшними нападками на новых же господ, и завтрашними похвалами опять им же?.. Нет, мы не любим заглядывать на задний двор российской словесности и не справляемся, кто нынче хулит, например, «Северную пчелу», в которой вчера участвовал сам, или кто хвалит «Пчелу», недавно бранив ее...{71}

* * *

В 256-м № «Северной пчелы» напечатано объяснение, почему публика охладела к «Репертуару», соединенному с «Пантеоном»: {72} виноват во всем – видите ли – фельетонист, или сотрудник этого журнала.. А фельетонист, или сотрудник «Репертуара», упрекает в охлаждении публики редакцию «Репертуара и Пантеона», не умевшую, как видно, сделать прочие части журнала занимательными. Кто прав, кто виноват из них? – Из вежливости, поверим обоим и не станем спорить ни с одним..

* * *

Фельетонист той же газеты (№ 201) горько жалуется, что «не смеет причислить себя к числу умных людей» (его собственные слова, выписанные нами с дипломатической точностью), потому что, будто бы, «Отечественные записки» и «Литературная газета» в каждой книжке (большая NB) и каждом листе (маленькая NB), а «Москвитянин» при всякой верной okazji (полтора NB) ясно, умно, остроумно и беспристрастно доказывают целому миру, что фельетонист «Северной пчелы» – человек без малейшего дарования, и пр. и пр. Странно! читая эти строки, подумаешь, что «Отечественные записки» выходят ежедневно, а «Северная пчела» раз в месяц! Или что «Отечественные записки» только и толкуют, что о «Северной пчеле», а «Северная пчела» ни слова не говорит об «Отечественных записках»! Чтоб утешиться в горе, «Северная пчела» старается уверить публику, что «Отечественные записки» и «Литературная газета» – одно издание, и г-на Кони называют критиком «Отечественных записок»!.. К чему все эти проделки? Публика знает, что «Литературная газета» – совершенно отдельное от «Отечественных записок» издание, нисколько не зависящее от них в своем направлении и образе мыслей и не имеющее с ними никакой связи; г. Кони никогда не был критиком «Отечественных записок» и даже никогда не участвовал в этом журнале как сотрудник... Кому это не известно, и кого, с какою целью хотят уверить в противном? – в 250 номере «Северная пчела» уверяет, будто «Отечественные записки» сравнивают «Мертвые души» с «Илиадою», «Одиссеею», а Гоголя – с Гомером!..{73} После этого «Северной пчеле» остается уверить публику, что «Отечественные записки» называют г. Булгарина даровитым и отличным писателем, а «Северную пчелу» – превосходною газетою.. Чего доброго, пожалуй, и это станется от нее!..

* * *

Редакция «Москвитянина», объявляя о продолжении своего журнала в будущем году, распространилась о том, что будто все литераторы разделились на две стороны – одна сторона в пользу мысли о необходимости европейского развития Руси, другая – в пользу мысли о вожденности самобытного развития из самой себя... Первый разряд литераторов «Москвитянин» разделил на невежд, не знающих ни Запада, ни Руси, и на полуневежд, знающих Запад и не знающих Руси. Положим, все это и так; но вот в чем дело и вот в чем вопрос: когда же «Москвитянин» решит нам задачу о самобытном (чуждом Западу) развитии Руси? Вот уже два года, как издается он, а кроме фраз и возгласов ничего еще им не сказано... Правда, он ясно доказал свое незнание Запада; но когда же, когда докажет он нам свое знание Руси и того, что ей нужно для самобытного (чуждого Западу) развития?.. Ведь сбор незначительных исторических материалов, которые напечатаны в «Москвитянине» и которым приличнее было бы войти в состав какого-нибудь специального исторического сборника, – еще не представляет собою решения заданного им самому себе вопроса... Равным образом и письма Пушкина, писанные совсем не для печати, и его шуточный, глубоко иронический разбор трагедии «Марфа Посадница»{74} – также не решают вопроса... То-то же! На словах, кого ни послушаешь, – все: «мы сбили, мы решили», а на деле – глядь и выйдет: «мы сбились сами».

Продолжение

Представление «Женитьбы» на сцене Александрийского театра снова оживило фельетон «Северной пчелы». «Наконец (воскликает эта газета в № 279 прошлого года) в бенефис г. Сосницкого мы видели ту знаменитую комедию Гоголя, о которой уже

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru несколько лет трубают его приятеля!» – Что за странная манера, в деле чисто литературном, говорить о «приятелях»! Почему фельетонисту знать, кто приятель Гоголя и кому Гоголь приятель? Пушкин печатно называл Дельвига и других [17] своими друзьями и приятелями: стало быть, и другие могли, не нарушая приличия, говорить, что такой-то и такой-то – друзья Пушкина; но никто не имел права называть печатно друзьями и приятелями Пушкина тех, которых он сам не называл этим именем тоже печатно. Гоголь ни одною строкою и никого не объявлял ни другом своим, ни приятелем, и, сколько нам известно, еще никто не называл себя печатно ни другом, ни приятелем Гоголя. Следовательно, «Северная пчела» самоуправно присвоила себе право навязывать Гоголю приятелей, из которых он иных и в глаза не видывал. И после этого фельетонист «Северной пчелы» еще позволяет себе пускаться в разглагольствования о хорошем литературном тоне, о приличии, об образованности!.. У таланта Гоголя действительно много в России и друзей и приятелей, так же как и врагов и недругов: это общая судьба всех высоких талантов; и вот об этих-то друзьях и приятелях, врагах и недругах позволительно рассуждать в печати, не выходя из пределов литературного вопроса. Взгляните на дальнейшие подвиги фельетониста «Северной пчелы» касательно этого не дающего ей покою, хотя и не знающего о ее существовании Гоголя. За выписанным нами восклицанием следует изложение содержания комедии, для доказательства, что она куда не годится, так что читатель может подумать, будто «Женитьба» Гоголя хуже даже какой-нибудь «Шкуны Ньюкарлеби» г. Булгарина. Далее следуют радостные, исполненные торжественности известия о падении пьесы, о единодушном шиканьи, похвалы тонкому, изящному вкусу и светской разборчивости публики Александрийского театра...{75} Старые шутки, господа! На сцене давались и пьесы Пушкина: «Русалка», «Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь», отрывки из «Цыган» – и все это не имело ни малейшего успеха, следовательно, испытало падение... Зато на сцене же давались в старину «Филатка и Мирошка», а теперь дается «Комедия о войне Федосьи Сидоровны с китайцами», с одобрением принятая публикою. Что это значит – предоставляем решить г. фельетонисту...{76}

Между прочим, фельетонист распространяется о каких-то партиях, из которых одну называет «здешнею», а другую «московскою», и последнюю заставляя прославлять Гоголя, чтоб через это «заставить публику отвернуться от других сатирических и юмористических писателей и романистов»... Ну, есть же из чего и хлопотать! Не зная никакой московской партии, тем не менее жалею о ней, что она занимается такими мелочами, хваля и превознося Гоголя не за его прекрасные создания, а из желанья ронять то, что и само собою давно уже вне всякой опасности упасть, по смыслу русской пословицы: лежачего не бьют... И что за смешная мысль, будто возможно возвысить недостойное или уронить достойное! Кто наши юмористические писатели, кроме Гоголя? – Фонвизин, Крылов (баснописец), Нарезный (романист), Грибоедов. Кто же не отдавал им должного, кто ронял их?... «Пусть бы (восклицает фельетонист) г. Гоголь выступил на журнальное поприще и сделался критиком... тогда бы мы увидели, как те же самые лица, которые созидают ему пьедестал, чтоб поставить его рядом с Гомером, стали бы разбивать из всех сил этот пьедестал!..» А! вот что! теперь мы понимаем, куда клонятся намеки фельетониста: г. Булгарин почитает себя и сатириком, и юмористом, и романистом, и критиком, – и, по его мнению, люди беспристрастные потому не соглашаются с ним в его лестных отзывах о самом себе, что он – критик!!.. Иначе его признавали бы чем-то не меньше даже Гоголя!.. Г-н Булгарин и Гоголь – да это еще оригинальнее, чем Гоголь и – Гомер!..

А между тем Гоголь выступал на журнальном поприще и был критиком: в «Арабесках» напечатаны его превосходные критические статьи о Пушкине, о Брюллове, о Шлецере, Миллере и Гердере; а в 1-м номере «Современника» 1836 года есть статья его «О движении журнальной литературы», в которой с неподражаемым юмором характеризована «Северная пчела» и разные критики!.. Уж не оттого ли в «Северной пчеле» и поныне не отдается Гоголю должной справедливости?.. По теории самой «Северной пчелы» выходит так...

* * *

Кстати о Гомере и Гоголе: та же газета продолжает уверять (см. № 285), будто «Отечественные записки» величают Гоголя – Гомером... Просим покорнейше указать хоть одну страницу в «Отечественных записках», где была бы хоть одна строка, доказывающая справедливость такого обвинения. В «Отечественных записках», напротив, несколько раз было писано против тех господ, которые сочинили небывалое сходство Гоголя с Гомером, и раз была напечатана большая статья в опровержение этих странностей («Отечественные записки», 1842, № XI){77}. Как же назвать эту неприличную выходку «Северной пчелы» против «Отечественных записок»?

* * *

Из журнальных новостей самые свежие – следующие: «Сын отечества» за 1842-й не додал только четырех книжек; «Русский вестник», опоздавший в 1841 году двумя книжками, в нынешнем опоздал всего шестью книжками (то есть целым полугодом), а «Москвитянин» – только одною книжкою.

* * *

Журнальный мирлифлёр[18] и Жорж Занд.

Какой-то господин (мы забыли его имя) издает в Париже модный листок вроде «Follet»[19]{78}. Тут еще нет ничего удивительного. Но удивительно то, что этот господин, говорят, с презрением смотрит на всех своих собратьев (то есть издателей модных журналов, которых, как известно, в Париже очень много). Ему во что бы ни стало хочется прослыть знаменитым литератором. Он, бедный, совершенно помешался на литературной славе и статьи свои (которые почитает, разумеется, великими произведениями) еще в рукописи читает не только своим приятелям, но всем наборщикам типографии, в которой печатается его листок, своему лакею и даже привратнику. Недавно он напечатал об одном знаменитом скрипаче, талант которого восхищал в прошлую зиму весь Париж, – следующие замечательные строки:

«Прелестные и милые мои соотечественницы, о вы, богини красоты и моды! вы, восхищавшиеся дивным, упоительным смычком г. NN, издававшие от неги и блаженства при роскошных, неземных, чародейственных звуках этого смычка, вы, верно, изумитесь, если я буду иметь честь доложить вам, что г. NN нисколько не виновен в наслаждении, которое доставлял вам: я вам объявляю за тайну (будьте только скромны, прелестные мои читательницы!): в скрипке г. NN заключена душа одной восхитительной девушки, которая, увы! вследствие безнадежной любви похищена смертью (не дай вам бог такой смерти!)... И эти звуки, пополам раздиравшие ваше сердце, сжатое, без сомнения, корсетом превосходной работы г. F*** (rue Richelieu[20], № 27), эти звуки, извлекавшие из победительных и молниеносных очей ваших жемчужины чистой грусти (жемчуг снова входит в моду: превосходные жемчужные уборы мы видели в магазине Caza, rue Montmartre[21], № 21), и эти звуки... повторяю я – о, это стон души-страдалицы, ее молитвы и жалоба, ее вздохи и рыдания»... и прочее.

Но этот удивительный любезник, журнальный мирлифлёр, издатель модного листка, так галантерейно{79} обращающийся с дамами, которые представляются ему, кажется, в виде розанчиков, как Жевакину в комедии Гоголя «Женитьба», – питает страшную ненависть только к одной из всего прекрасного пола, а именно к баронессе Дюдеван (Жорж Занд).

Однажды в своем модном и галантерейном листке, после красноречивого описания модных кружевных блондовых чепцов и после разных презамысловатых комплиментов «очаровательным брюнеткам и воздушным блондинкам», он вдруг обратился к ним с следующей речью:

Я надеюсь, мои восхитительные читательницы, что вы не читаете Жоржа Занда? (которую, не понимая, на каком основании именуют в целой Европе гениальною великою писательницею)... Сохрани вас боже от этого! Она все кричит против брака, mesdames! Не слушайте ее... Я уверен, что вы в приданое мужу своему принесете чистейшее, возвышеннейшее счастье, а он – ваш супруг, коленопреклоненный, бросит к ногам вашим свое сердце, которое вы, натурально, поднимете, расцелуете и запрете в шкатулочку отличной работы г. Bertran'a jeune (rue des Lombards, 46, au fond de la cour)[22], а ключик от этой шкатулочки будете косить у своего сердца!.. Поверьте мне, эта препрославленная, пресловутая Жорж Занд сама не понимает, что проповедует в неистовых «Индианах», «Валентинах», «Лелиях» и еще в других своих нелепых романах... Бойтесь, как чумы, этих романов, mesdames! Она хочет растлить эстетический дамский вкус... и нас – воздушных, прозрачных, роскошных, газовых, эфирных, радужных созданий нарядить в мужские рединготы и в ваши розовые губки (фи! quelle horreur![23]) вложить сигару... Вас, мои читательницы, одеть в мужские рединготы?.. Нелепая мысль! да что же тогда останется делать нашим несравненным артисткам m-me Pollet и m-me Gharpon[24], и прочим, которые с таким неземным совершенством украшают теперь цветами и блондами ваши вдохновенные головки и так ловко стягивают ваши соблазнительные, ни с чем не сравнимые талии и облакают вас в такие роскошные платья из ropeline или gros de Naples?[25]

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Говорят, парижане очень смеялись над этой выходкою журнального мирлифлёра, издателя модного листка, который не шутя вообразил, что Жорж Занд хлопочет в своих романах о том только, чтоб отбить хлеб у парижских модисток!.. Вот совершенно новый взгляд на сочинения Жоржа Занда!.. Журнальный мирлифлёр, глупый любезник, выступающий против знаменитой писательницы!.. Не правда ли, это очень смешно?

Жаль, что у нас некоторые, по справедливости уважаемые образованною публикою журналисты почти с такой же точки смотрят на Жоржа Занда, как вышеприведенный журнальный мирлифлёр, издатель модного листка{80}. Уверяют также, что у нас есть такие писатели, которые нисколько не хуже французского журнального мирлифлёра изъясняются с прекрасным полом...{81}

Продолжение

Старинная приятельница наша «Северная пчела» покончила старый год и начала новый достойным ее образом: всем известно, что эта газета отличается беспристрастием, хорошим тоном и бескорыстною любовью к литературе, что она хвалит только хорошее и порицает только дурное, смотрит на дело, а не на лица, превозносит, когда этого требует справедливость, своих врагов и говорит горькую правду своим друзьям. Все это так же известно публике, как и нам: – полюбуемся же последними подвигами этой газеты, в назидание ближним, в поучительный пример для литературной братии и в собственное утешение... Особенную честь делает «Северной пчеле» то, что она не любит полемики, не любит журнальных браней и если презирает кого-нибудь, так молча, с достоинством... Всем известно, что эта газета почитает «Отечественные записки» журналом самым плохим, не достойным никакого внимания, – и вот то презрительное молчание, которым наказывает она несчастные «Отечественные записки». В последнем (293) номере за прошлый год «Северная пчела» извещает своих читателей, что «она из любопытства (страсть кумушек!) заходила по несколько раз в книжные лавки, перед праздником», «особенно в новый магазин г-жи Ольхиной, и видит, что публика, как бы нарочно, покупает те книги, которые более порицаются в «Отечественных записках» et Compagnie[26] (?)», – а порицания этого журнала, по уверению «Северной пчелы», «сделались ныне указателем (index) того, что надобно покупать: это так верно, как то, что после ночи наступает день». Какая твердая, неколебимая уверенность! Благодаря «Северной пчеле» за это любопытное известие и не желая за него остаться в долгу, спешим, с своей стороны, тоже порадовать ее известием, которое не менее утешительно и более достоверно, ибо подкрепляется фактами, всему свету известными. По книжным лавкам мы не ходим, ни в будни, ни в праздники, зная, что там ничего не услышишь, кроме вздорных сплетен, до которых мы смертельные неохотники: такая неохота, конечно, может показаться странною «Северной пчеле», но что же делать, когда это так? Иногда только бываем мы в книжном магазине г. Иванова, где находится и контора «Отечественных записок»: там слышали мы, что расходятся именно те книги, которые хвалятся «Отечественными записками», а плохо идут именно те книги, о которых «Отечественные записки», по совести, не могут отзываться как о литературных произведениях. Известно всем и каждому, что «Отечественные записки» высоко ценят талант Гоголя и видят великое произведение в его «Мертвых душах»: судя по словам «Северной пчелы», этого было бы достаточно, чтоб «Мертвые Души» залежались в лавках; но, увы! всем и каждому известно, что «Мертвые души», напечатанные в числе около 3000 экземпляров, почти совсем раскуплены с небольшим в полгода!.. Конечно, «Мертвые души» обязаны этим совсем не «Отечественным запискам», а собственно своему высокому достоинству; но их чрезвычайный успех доказывает, вопреки уверениям «Северной пчелы», что «Отечественные записки» хвалят только достойное хвалы. Не прошло еще двух недель после выхода четырех томов «Сочинений Николая Гоголя», и уже несколько сот экземпляров раскуплено нетерпеливою публикою: эти сочинения уже столько лет постоянно хвалятся «Отечественными записками», и публика, несмотря на то, раскупает их... Как теперь согласить эти факты с упомянутым известием «Северной пчелы»?.. Сочинения Гоголя постоянно унижаются и преследуются бранью и выдумками в «Северной пчеле», – и, несмотря на то, публика все-таки раскупает их... Кто же теперь index для публики – «Северная пчела» или «Отечественные записки»?..

Затем, «Северная пчела» жалуется, что «Отечественные записки» несправедливы к ее издателям и сотрудникам... Странная жалоба! Это значит жаловаться на то, что «Отечественные записки» имеют свой образ мыслей, свои убеждения, свой вкус: да кто ж не имеет права иметь их? Конечно, жаль, что не все журналы и, особенно, не все газеты имеют мнение, убеждение и вкус; но как же и их винить за это: чем виноват слепорожденный, что родился без зрения?.. Что «Отечественные записки» не

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru могут, по совести, хвалить устарелых и забытых сочинений издателей «Северной пчелы», это очень понятно, это вытекает из той же самой причины, по которой «Отечественные записки» не могут не хвалить, например, Крылова, Пушкина, Жуковского, Грибоедова, Гоголя, Лермонтова... Мы даже не удивляемся и тому, что «Северная пчела» не жалуется «Отечественных записок»: этому должно так быть, и это выходит из той же причины, по которой «Северная пчела» бранит Пушкина и Гоголя и восхищается сочинениями своих издателей, драмами гг. Полевого и Ободовского, компиляцией Ламбина{82}, романами и повестями фан-дима и проч. Да, это так должно быть, и нам было бы очень прискорбно, если бы «Северная пчела» хвалила журнал наш... Мы понимаем, что для этой газеты было бы очень приятно и выгодно, если б «Отечественные записки» хвалили сочинения ее издателей; да для «Отечественных записок»-то это было бы и неприятно и невыгодно: ибо «Отечественные записки» пользуются и гордятся репутацией добросовестного журнала в глазах образованнейшей части читающей русской публики...

«А между тем (продолжает та же газета) сами издатели «Северной пчелы» и их сотрудники должны терпеливо сносить все несправедливости, потому что им нельзя печатать ничего похвального о собственных трудах». – И вслед за этими строками «Северная пчела» говорит:

Теперь, например, как поступили журналы с новым сочинением Н. И. Греча: «Письма с дороги»? Сказали ли гг. критики, что ПО-РУССКИ НЕТ И НЕ БЫЛО ТАКОГО ОСНОВАТЕЛЬНОГО, хотя и краткого описания Италии вообще и главных столиц ее, древнего и нового Рима, Неаполя и подземной Помпеи с планами и видами! Сказали ли критики, что ни при одном роскошном альманахе не было таких прелестных гравюр и притом двенадцать, как при этом сочинении, и что никогда еще за четыре рубля серебром не предлагали публике столько картинок и политипажей! Вот и неопровержимое доказательство, что «Северная пчела», по свойственной ей скромности, никогда не хвалит сочинений своих издателей!!.. Неужели публика «Северной пчелы» добродушно верит таким уверениям, не принимая их в превратном виде?.. Если так, то поздравляем «Северную пчелу», у ней добрая публика...

В том же номере той же газеты находится странная выходка против редактора «Наших» за обещание его – в скором времени напечатать статью «Русский фельетонист»... Фельетонист «Северной пчелы» решительно в ужасе от обещания редактора «Наших»... Подумаешь, право, что дело идет о чьей-нибудь жизни и смерти... Да много ли у нас фельетонистов, да они люди отличнейшие, да они не сословие! – взывает растерявшаяся «Пчела»...

Есть отчего в отчаянье прийти!{83}

А дело очень просто: редактор «Наших» хотел перепечатать из «Отечественных записок» (1841 г., т. XV, отд. «Смеси») прекрасную статью г. Панаева «Русский фельетонист» с политипажам; но г. Панаев, не совсем довольный малым объемом своей статьи, написал для «Наших» новую, которая отличается от прежней большею общностью и верно представляет разных русских фельетонистов. О чем же тут вопиять?.. из чего хлопоты?{84}

В 1-м № «Северной пчелы» нового, 1843 года помещена статейка «Обозрение журналов», в которой опытные знатоки газетной психологии провидят весьма сомнительное состояние газеты... В этой статье «Северная пчела» извещает, будто бы «лестная доверенность к «Северной пчеле» побудила многих из ее постоянных читателей отнести в ее редакцию письменно, чтобы редакция известила: на какие журналы должно подписываться в наступающем 1843 году; но (будто бы), к сожалению, Редакция не может вполне исполнить этого»!!.. Вот здесь «Северная пчела» решительно победила нас: между постоянными читателями «Отечественных записок» нет ни одного, который бы так мало доверял своему уму и вкусу, чтобы стал просить у нас совета, на какие ему журналы подписываться и на какие не подписываться... И вот «Северная пчела» начинает советовать своим постоянным читателям, до небес превознося мифы русской журналистики – «Сын отечества» и «Русский вестник», находя в них идеалы всевозможного совершенства и только один недостаток – неаккуратность в выходе книжек (или совершенное прекращение выдачи книжек, как сделалось с «Русским вестником»). Затем следуют похвалы «Библиотеке для чтения» и ее редактору, который, по словам «Северной пчелы», уважает талант и заслугу, но если кого не любит, то умалчивает вовсе о его сочинении – вероятно, для изъявления своего уважения к таланту и заслуге!!.. Далее расхвален «Репертуар», а за ним – «Эконом», и вот как: ««Эконом» нельзя хвалить «Северной пчеле», потому что он принадлежит одному из издателей этой газеты, но публика доказала, что она благосклонна к «Эконому», который так усердно печется о

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru хозяйстве своих читателей, и о кухне их, и о туалете их жен и детей, и, наконец, о их здоровье. Вот скромность, так скромность – тут уже самохвальства ни на волос!.. Затем «Северная пчела» просит публику подпискою на журналы поддержать существование по крайней мере четырехсот семейств, от ветошника до бумажного фабриканта, от типографского наборщика и переписчика до литератора.. Помилуйте, господа! да с чего вы взяли, что публика обязана пешичь о поддержании ветошников, бумажных фабрикантов, наборщиков и переписчиков? Публика покупает книги и журналы для собственной пользы и удовольствия и в выборе книг и журналов руководствуется своим смыслом и вкусом, имея в виду лучшие, то есть способнейшие доставить ей пользу и удовольствие книги и журналы, а совсем не поддержку разного рабочего народа!.. Этак вы ставите ей в обязанность покупать всякую печатную дрянь – от книжек об истреблении клопов до спекуляций на историю России и Суворова и до залежалых нравоописательных романов выписавшихся старых сочинителей.. В заключение этой курьезной статейки «Северная пчела» просит не подписываться на те журналы, о которых в статейке не упомянуто; а не упомянуто в ней об «Отечественных записках», «Современнике» и «Москвитянине» (которого еще недавно «Северная пчела» так превозносила). Очевидно, вся эта буря в стакане воды устремлена на «Отечественные записки», – и если в этой статейке «Северная пчела» скрепелась и умолчала о них, зато тем шибче проговорилась о них через четыре нумера, как о том показано ниже.

* * *

Фельетон 6-го № «Северной пчелы» начинается похвалою первой книжке «Библиотеки для чтения», которая будто бы «появилась в свет в щегольском розовом роброне (вероятно, обертке?), с богатым ожерельем, в котором мы (то есть «Северная пчела») заметили три дорогие отечественные жемчужины: «Пир» Бенедиктова, «Хозяйка», повесть Фан-Дима, и «Ломоносов», драматическую повесть Н. А. Полевого»... Каков восточный слог? – право, не хуже отечественных жемчужин, то есть плохого, на погребушках изысканных фраз основанного стихотворения, плохой, на бессмысленном явлении бесплотного духа основанной повести, и плохой, на общих избитых местах и фразах основанной драмы, где низкий заимодавец-старик хочет насильно жениться на девушке, а Ломоносов, ее великодушный жених кстати уплачивает долг и кстати женится.. Затем следуют подобострастные похвалы и робкие упреки мелкому жемчугу и алмазам «Библиотеки», которая заставила, в своей «Летописи», плясать Балакирева вприсядку с «Супружескою истиною» и о «Письмах с дороги» г. Греча сказала, что они не новость, потому что были уже напечатаны в «Северной пчеле». Потом идут мелкие придирки к одной ежедневной газете, которая, к досаде «Северной пчелы», стала несравненно лучше и интереснее ее, преобразовавшись с нового года...{85} После того «Северная пчела» приступает уже к главному предмету своей статьи – к «Отечественным запискам»:

Чтоб корабль Р(р)усской Ж(ж)урналистики шел плавно по пресному морю Р(р)усской С(с)ловесности, на дно корабля, то есть в трюм, положены тяжелые «Отечественные записки». Полкниги набито мелким шрифтом и мелочными суждениями – невесть о чем! Все сбито, перемешано, надуто и раздуто.. и всегдашнее блюдо, которым в каждой книжке «Отечественных записок» потчевают своих читателей, шпикуванный Ф. Булгарин, под кисло-горьким соусом – тут как тут! Но только не тот Ф. Булгарин, который написал до сорока томов повестей, романов и отдельных статей[27] и который издает, вместе с Н. И. Гречем, «Северную пчелу» в точение девятнадцати лет сряду! Нет, этот Ф. Булгарин, как еж(?), не дается в руки встречному и поперечному. У «Отечественных записок» есть свой Ф. Булгарин, их собственного сочинения, созданный ими по их духу и разуму (помилуйте! разве по духу и разуму «Эконома», потому что шпиковать зайцев и тетеревов его дело!{86}), и этого-то несчастного истукана «Отечественные записки» ставят ниже гг. Кони, Кузмичева, Орлова и в каждой книжке варят, жарят, шпикуют, – а настоящий Ф. Булгарин и в ус себе не дует... потому что это до него не касается и не прикасается. Остановимся на этом. Не понимаем, с чего взяла «Северная пчела», что «Отечественные записки» считают г. Ф. Булгарииа одним из тех мясных припасов, которые и шинкуются и употребляются на шпик?.. Не знаем также, за что г. Булгарин называет себя ежом, несчастным истуканом, вареным, жареным и пр. Еще менее понимаем, почему «Северная пчела» думает, что «Отечественные записки» занимаются поварским делом, неотъемлемо принадлежащим «Эконому», который издается г. Ф. Булгариным!.. Не ведаем, наконец, какую разницу находит она между шпикуванным, говоря ее словами, г. Ф. Булгариным и настоящим г. Ф. Булгариным: в 1 № «Отечественных записок» г. Ф. Булгарин представлен так, как он есть – литератором, который дружески хотел показать г. Полевому, как должно пускать в

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru ход книги о Суворове, и литератором, который уже не воин, а писатель...{87} Все это сказано было «Отечественными записками» на основании собственной статьи г. Ф. Булгарина, помещенной в фельетоне 285 № «Северной пчелы» прошлого года... Неужели повторить, со всею верностью, чьи-нибудь напечатанные уже слова значит варить, жарить, шпиковать?..

Далее фельетонист «Северной пчелы» (то есть г. Булгарин же), уверяя, что он не читает «Отечественных записок» (и, полноте шутить! – читаете, да еще как!..), заставляет своего сотрудника вырывать разные фразы из разных годов «Отечественных записок» – фразы, действительно непостижимые уму ученых издателей «Северной пчелы». Более всего пострадала от их остроумия выписка из 2-й части «Фауста» Гете («Отечественные записки» 1841 года, том XVIII, отд. «Критики», стр. 21){88}, которую «Северная пчела», в простоте неведения, верно приняла за сочинение редакции «Отечественных записок». Бедный Гете, досталось же ему! Добрая газета даже искажала его слова, нападая на какие-то материи, тогда как у Гете дело идет о матерях; но это искажение сделано без всякого умысла: «Северная пчела» просто не поняла, в чем дело, и по своему обыкновению называть бессмыслицу и галimatъею все, что превышает ее фельетонные понятия, в грязь втоптала бедного Гете... А все оттого, что второпях не рассмотрела в нашей статье не однажды повторенного имени Гете и указания на «Фауста», из которого взято это место о «царственных матерях», превращенных «Северною пчелою» в «царственные материи»... Она так обрадовалась своей неспособности понимать глубокий смысл идей Гете, или своей способности видеть бессмыслицу в идеях Гете, что начала издавать звуки, смысл которых действительно непостижим ничьему уму, как, например: «Ай, вай!» и пр. (см. 6 № «Пчелы» 1843 года). Зачем бы, кажется, нападать на то, чего разуместь не дано свыше! Как зачем? затем, чтоб показать свое презрение к такому плохому журналу, как «Отечественные записки»! Это стоило того, чтоб перечитывать его за все годы и в 1843 году выписывать фразы из 1841 года!.. Право, господа, не мешало бы вам или лучше скрывать свои настоящие чувства, или уж не противоречить себе, уверяя публику, что вы не читаете «Отечественных записок»!.. Да не мешало бы также вам быть поосторожнее в своих нападках на наш журнал: ведь «Отечественные записки» не «Северная пчела» и не «Эконом»: находить ошибки в них можно, но тем только, кто учился чему-нибудь, знает что-нибудь, кроме теории шпигования тетерек свиным салом..

В этом же фельетоне «Северная пчела» повторила в тысячу первый раз, что г. Краевский «неизвестен вовсе в истории русской литературы, потому что он не написал ни одного сочинения». И это тоже не мешало бы оставить, из уважения к здравому смыслу: кто же поверит вам, чтобы в русской литературе был неизвестен человек, уже седьмой год сряду действующий на поприще русской журналистики и пятый год редактирующий такой журнал, как «Отечественные записки»?.. Правда он не писал ни романов, ни повестей, ни драм; но это доказывает только, что он ни романист, ни повествователь, ни драматург а совсем не то, чтоб он не был журналистом и, следовательно, литератором. Все очень видят, что вы это хорошо знаете; так же как все очень хорошо понимают и ваше равнодушие, и ваше презрение к «Отечественным запискам», и то, что вы их совсем не читаете, хотя и знаете наизусть целые статьи из них; все знают, что вы и ведать не хотите о существовании «Отечественных записок», хотя только об них и жужжите, и хотя бываете долго не в духе после выхода каждой книжки этого журнала, без умолку толкуете о нем по выходе каждой его книжки и почему-то умолкаете перед выходом следующей...

* * *

В 5 № «Северной пчелы» находится блистательное свидетельство скромности этой газеты, то есть того, что она никогда не прославляет своих издателей. Вот что, между прочим, сказано в ней при разборе «Записок артиллерии майора Михаила Васильевича Данилова»:

В особенности мило описаны детские лета автора; характеристика первого его учителя, пономаря Брудастого, экзекуция серой кошки и тетушкин обычай сечь дворню за шалости своего племянника – описаны превосходно (характеристика учителя описана превосходно – по-каковски это?..). Эти страницы живо напоминают нам «Ивана Выжигина», который двинул всю литературную Русь на поприще(е) романов. Враги Булгарина могут его осыпать всеми возможными субъективными стрелами мировой своей критики, но заслуг его никогда не отнимут, не помрачат. Полемика исчезнет, факты останутся. «Иван Выжигин» был первый (после «Бурсака» и «Двух Иванов» Нарезного, – прибавим мы от себя) наш Р(р)усский роман, и дай бог,

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru чтоб последователи Булгарина писали такие же романы (вот уж это бесполезное во всех отношениях желание!). Вот новое доказательство всей естественности, всей истины рассказа Булгарина (где же доказательство? – в «Северной пчеле»!!!!). Детство майора Данилова описано с тем же простодушием, чистосердечием и увлекательностью (должно быть, с тем же, если сама «Северная пчела» уверяет: ей лучше знать все, что касается до ее издателя). Автор «Выжигина» не мог знать «Записок» Данилова, а одинаковые положения должны были родить одинаковые идеи.

Но что же общего между забытым сатирическим романом и «Записками Данилова», кроме того, что то и другое писано русскими, а не греческими буквами? Если с чем-нибудь есть общее у «Ивана Выжигина», так это с сатирическим же романом А. Измайлова: «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества». Хотя этот роман напечатан в 1799 году{89}, но по сатирическому направлению и таланту сочинителя он как раз приходится в родные батюшки «Ивану Выжигину», и надо сказать, что сынок уродился в отца, а не в проезжего молодца, хотя и воспитан в собачьей конуре.

* * *

Преобразование одной ежедневной политической газеты{90}, совершившееся в нынешнем году и много улучшившее эту газету, пробудило спящее соревнование «Северной пчелы»: она призвала к себе на помощь, по части театральной критики, одного знатного сочинителя, написавшего до сотни томов романов для публики толкучего рынка, а по части критики литературной, одного пережившего свою славу литератора, который только и делает, что хоронит один журнал за другим, стараясь поднять их на ноги{91}. Этот вольнопрактикующий журнальный врач дебютировал в «Северной пчеле» (№ 2) следующей многозначительной фразой: «Содержание (повести графа Соллогуба) взято из (жизни) большого света. Зная область его (то есть большого света) только понаслышке, мы готовы спросить: неужели так бывает в большом свете?»{92} Слава богу! Давно бы так пора! После этого добровольного признания, которое паче всякого свидетельства, есть надежда, что «Пчела» перестанет толковать о дурном и высшем тоне и нападать, за сальности и неприличие, на Гоголя, которого читает большой свет, не видя в нем ни сальностей, ни неприличия...

* * *

В 1 № «Москвитянина» на 1843 год, в статье «Критический перечень произведений Р(р)усской С(с)ловесности за 1842 год», находится следующее оригинальное суждение о г. Бенедиктове, достойное быть сохраненным для потомства:

Несмотря на своих врагов, он (г. Бенедиктов) остается всегда отмечен (?) своею яркою особенностью в Р(р)усской лирической П(п)оэзии. Главная черта его лиры (черта лиры!..), по нашему мнению, есть мысль, глубоко лежащая в каждом из лучших его произведений и растворенная часто, особенно прежде, теплотою душевною, в отношении к слиянию мысли и чувства (?!), М(м)уза Бенедиктова имеет большое родство с М(м)узою Шиллера, которая произвела на нее сильное влияние. Справедливо упрекали Бенедиктова в изысканности выражения, в чем можно упрекнуть и славного Н(н)емецкого лирика; но никто не отнимет у него особенности его стиха и звука, которых он ни у кого не занял.

Итак, дело решенное: г. Бенедиктов – Шиллер, г. Ленский – Беранже и проч... После этого сравнение Гоголя с Гомером{93} уж не должно казаться нелепостью...

* * *

В каком-то мифическом петербургском журнале была, сказывали нам, напечатана басня «Крысы»; к удивлению нашему, эта же басня перепечатана в № XII «Москвитянина» за 1842 год{94}. Из этого мы заключили, что как остроумный сочинитель, так и редакторы обоих журналов придают большое значение этой басне. Чтоб доставить вящее наслаждение всем им, перепечатаваем басню и для наших читателей:

В книгопродавческой обширной кладовой
Среди печатных книг, уложенных стеной

Прогрызли как-то из подполья
Лазейку крысы для себя
И, поживиться всем любя,
Нашли довольно тут и пищи и приволья.
Не знаю, как печать
Учились крысы разбирать;
Но дело в том: они, как знали,
Стихотворения читали,
Поэзию зубами рвали
И начали судить, рядить,
Поэтов, как котов, бранить,
И на Державина напали.
Одна бесхвостая на полку взобралась:
Давно у этой забияки
Отгрызли хвост собаки,
Но крыс учить она взялась.
«Державин был талант для всех времен великий!
Великий он поэт лишь для своей поры,
А не для нашей он норы;
Для нас певец он полудикий!
Для нас – поэзии в нем нет;
Для нас едва ли он какой-нибудь поэт;
Для нас все мертво в нем, скажу чистосердечно,
Не наша то вина и не его, конечно,
Мы не виним его, а судим лишь о нем;
Пусть судят же и нас путем!..»
Такую крыса речь и долго б продолжала,
Но груда книг, свалясь, бесхвостую прижала;
Она пищит, скребет... кот Васька близко был
И суд по форме совершил.
Литературных крыс я наглости дивился:
Знать, Васька-кот запропастился.
15 ноября. 1842.
Петербург.
Продолжение

В том же <35-м> номере той же газеты превозносится до небес плохая драма г. Полевого «Ломоносов» и, по обыкновению, с ожесточением порицаются «Отечественные записки» за то, что они говорят правду о новом драматическом издании г. Полевого. «Не знаем, чему дивиться (восклицает «Северная пчела»), храбрости ли «Отечественных записок», которые, вопреки истине и общему мнению, стремятся унижать достоинства писателей, не принадлежащих к их партии, или терпению публики!» В самом деле, нужна особенная храбрость, чтоб сметь сказать правду о таком великом национальном гении, как г. Полевой! По нашему мнению, гораздо больше нужно было храбрости разругать седьмую главу «Онегина», превознося до небес первые шесть глав его; но «Северная пчела» и это сделала. Нужно было также довольно смелости, чтоб разругать и лучшее произведение г. Загоскина – «Юрий Милославский», а потом хвалить следовавшие за ним посредственные его романы; но «Северная пчела» и это сделала {95}. Еще больше нужно смелости, чтоб в одном номере газеты назвать «Уголино» г. Полевого пьесой, равную по достоинству с драмами Шиллера, а через три дня, в той же газете, поставить ее хуже всего худого, оправдываясь перед публикою в первом отзыве кумовством, camaraderie!.. [28] Но чтоб сказать правду о каком-нибудь поставщике дюжинных драм, – для этого не нужно никакой храбрости, и как ни хлопочет «Северная пчела», а из наших отзывов об изданиях драматической «тли» никогда не удастся ей сделать страшного литературного преступления... {96}

* * *

В фельетоне того же знаменитого номера (35-го) «Северной пчелы», оканчивающегося апофеозом блинов в Екатерингофском воксале и в кафе-ресторан Беранже, есть еще две прекуррьезные диковинки. Фельетонист, превознося до небес, вместе с блинами, и «Ломоносова» г. Полевого, упрекает его только за характер Тредьяковского, и на каком бы – думали вы – основании? Послушайте самого фельетониста: «Точно ли был таков Тредьяковский? Правда ли, что писал о нем Ломоносов и другие враги? Что бы было, если бы потомство стало судить об авторах (не о сочинителях ли?), например, по суждениям «Отечественных записок?» – Вот, поистине, странное опасение! Уж не боится ли г. фельетонист, чтобы его некогда не вывели в

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru какой-нибудь «драматической повести»? Или не думает ли он, что кто-нибудь может замаскироваться от потомства, когда он знает, что и для современников не так-то легко ходить долго под маскою? Державин сказал великую истину и высокую мысль в этих стихах:

Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться:
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться!{97}
Вторую курьезную вещь в этом фельетоне тоже выписываем целиком:

Пропала русская пословица: по платью встречают, по уму провожают! Теперь ни до платья, ни до чужого ума никому нет дела, если ваш ум не нужен другим для спекуляций! Теперь собеседников выбирают по адрес-календарю или по биржевым известиям, а не по уму и любезности. А то ли было в XVIII веке? Что было бы с автором, которого пьеса имела бы такой блистательный успех, как «Ломоносов» Н. А. Полевого!{98} Вспомним о Сумарокове, Фонвизине, Аблесимове и многих других. Об Аблесимове, на этот счет, мы ничего не помним, а о Сумарокове хорошо помним, что он, по своему раздражительному сочинительскому самолюбию, был в обществах не очень лестно принят. Фонвизин – совсем другое дело: это был не только умный, острый и образованный человек, но и литератор честный...

* * *

Давно уже слышим мы, что в «Петербурге» издается какой-то журнал под именем «Маяка», и желали, из любопытства, видеть его; по справкам оказалось, что это чрезвычайно трудно, и мы принуждены были отказаться от своего желания, – как вдруг 24-й номер «Северной пчелы» снова возбудил в нас желание удостовериться в существовании мифического журнала. На этот раз случай помог нам неожиданно достать январскую книжку «Маяка» на 1843 год, – и при всей нашей недоверчивости к «Северной пчеле» мы увидели, что все сказанное в ней (№ 24). о «Маяке» – сущая правда, не выдумка. Перелистывав эту книжку, мы тотчас увидели, что это журнал «для немногих», и тот час поняли, почему не могли так долго убедиться собственными глазами в его существовании. Между прочими диковинками – представьте себе: какой-то г. Мартынов обещает Степану Онисимовичу, издателю «Маяка», подробный обзор стихотворений А. С. Пушкина. Предвидя удивление многих, что какой-то господин Мартынов обещает лучше всех бывших и настоящих критиков оценить Пушкина, он (то есть г. Мартынов) говорит:

Летописи грамотности или словесности, по-вашему – литературы, представляют каждому из нас убедительные доказательства того, что самые известные и знаменитые ценители чужих произведений часто впадают в непростительные промахи: или слишком заговариваются, или многое не договаривают, или многое переговаривают; между тем как люди, дотоле неизвестные, являясь на сцену письменности с ясными, прямыми и верными взглядами на вещи этого рода, без малейшего посягательства на высшие точки зрения, и прославленный от современников писатель предстает перед потомством с ошипанными лаврами («Критика», стр. 24){99}.

По мнению г. Мартынова, все критики, хвалившие Пушкина, и пристрастны и поверхностны; судя по этому и по другим фразам статьи г. Мартынова, видно, что он решился общипать Пушкина не на шутку. Г-н Мартынов говорит правду, что нет дела до известности или неизвестности критика, лишь бы он дельно критиковал; но из этого еще не следует, чтобы какой-нибудь господин, хотя бы то был сам г. Мартынов, не сделав дела, а только посулив его, уже имел право расхвастаться им, как великим подвигом, и утверждать храбро, что все критики заблуждались, а один он напал на истину. Но в «Маяке» этот тон принят, как видно, за основание издания: им так и дышат все статьи его. Г-н издатель «Маяка», если не ошибаемся, г. Бурачек{100}, в ответе на литературное хвастовство г. Мартынова, говорит, что для нашей литературы настал век мишурности, что Батюшков был предвестником, а Пушкин основателем и утвердителем этой мишурности; что против нее теперь ратуют, елико сил хватает: «Маяк», «Сын отечества» и «Москвитянин», а прочие журналы горой стоят за нее!.. Боже великий, что это такое?.. Но погодите – то ли еще впереди! «Сыну отечества» «Маяк» воздает полную похвалу, как достойному его сподвижнику; но «Москвитянином» он только вполупину доволен: «Москвитянин» – видите ли – противоречит самому себе, с одной стороны, утверждая, что русская литература должна свергнуть с себя влияние лукавого и буйством разума ораченного Запада и быть самобытной и оригинальной; а с другой стороны, утверждает, что «Мертвые души» Гоголя – великое произведение, что Пушкин –

В чем (восклицает в рыцарском негодовании наш восточный витязь)? в вязке блондов (блонд?), в развлечениях и услаждениях жизни, в железных дорогах, операх – в роскоши? – пожалуй; но в любви к богу, в добродетели, в семейности, в сердечной, духовной образованности, что бесконечно важнее и труднее, – русские всегда были и есть выше Запада (стр. 30).

Далее издатель «Маяка» восклицает: «Добрые русские! вы все согласны, что пора нам бросить чужое и возвратиться к своему?» – и так заставляет добрых русских отвечать ему: «Да, да, мы все согласны. Это хорошо. Давайте свое, свое, русское, родное! ура!» (стр. 31). «Стало быть и Пушкин мишурник? – спрашивают хором добрые русские г. издателя «Маяка». – Как сметь! мировой поэт! народный гений! краса и столб нашей литературы!»... Но издателя «Маяка» нельзя сбить с толку целому хору добрых русских, – и он, нимало не запинаясь, отвечает так:

– Добрые русские! ведь это все пока порожные речи, слова – слова – слова! вглядимся в дело: разберемте Пушкина: вот г. Мартынов предлагает вам свой исполинский труд, выслушаемте его спокойно, не горячась, посудим, потолкуем, – убедимся и положим: «быть тому так»: все заблуждались в словесности, все поголовно, и производители и потребители. Кого же винить? – ложный дух времени! Кому краснеть – никому или всем: а на людях не только смерть, и стыд красен. Смирим же свою неуместную гордость, отринем свою мнимую непогрешительность, падшими человеками и под таким назидательным уроком милующей раз и навсегда перестанем повторять порожные речи! (стр. 32).

Вот уж подлинно порожные речи! Как бы хорошо было, для чести здравого смысла и русской литературы, если бы они перестали повторяться! И что за милый, наивный и патриархальный тон, что за короткость с добрыми русскими! Хорошо еще, что эти «добрые русские» не слышат таких «порожных» речей! Видите ли: соберемтесь-ка вкупе и влюбе, сядем кругом г. Мартынова, читающего нам свой исполинский труд, состоящий из порожных речей, – да не горячась, спокойно, – и сознаемся в ничтожестве, или, нет бишь, – в мишурности нашего великого поэта и в собственной глупости, да, по старинному обычаю, и ударим челом, не боясь запачкать его в грязи, премудрому г. Мартынову, наведшему нас так легко и скоро на ум-разум... Кстати уж заодно в смирении сердца поваляемся в ногах и у нового великого муфтия российской словесности, г. издателя «Маяка», что он растолковал нам, невеждам, что Пушкин не более, как флигельман русской литературы, которая доселе повторяет его мишурные артикулы (стр. 32), – и только попросим, чтобы он, наш литературный муфтий, смиловался, удержал порыв своего мусульманского фанатизма, помня пословицу: где гнев, там и милость!.. Ну, добрые русские! гаркнем же дружно и велегласно: Помилуй, отец и командир, вперед право не будем! Убедимся, вразумимся и дружно примемся лечиться!..

И это литература?.. Но что ж тут огорчаться: ведь это литература подземная, – задний двор литературы...

Однако ж интересно знать, что разумеют эти господа под «народностью» русской литературы и какие средства почитают они необходимыми для того, чтоб наша литература сделалась народной. Скучно выписывать, а делать нечего, если уж начали. Итак, слушайте, «добрые русские»:

Давайте выражать русское горячее чувство, мудрое знание и силу богатырскую души, – живым, кипучим, родным, народным, МАЛЕНЬКО МУЖИЦКИМ словом... Что же, господа (надобно бы – ребята или братцы)?.. Да где же вы?.. Куда ж вы разбежались?.. Надобно сказать, что вся эта галиматья изложена в виде спора между «Маяком» и «Москвитянином». Из чего же спорят сии достойные сподвижники? За что вооружился «Маяк» на «Москвитянина»? Им-то уж совсем бы не следовало ссориться. Но таковы люди! Это еще только перемолвочка – милые бранятся, только тешатся; а то бывают какие страшные ссоры между (выражаясь маленько мужицким слогом) закадышными друзьями!.. Гоголь превосходно изобразил пример таких разрывов самой пламенной дружбы в лице Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича... Главная разница в характерах сих достойных друзей состояла в том, что Иван Иванович был чрезвычайно тонкий и разборчивый на слова человек, а Иван Никифорович любил иногда ввернуть в разговор маленько мужицкое словцо... Это и было причиной вражды, сменившей их дружбу...

Продолжение

Любопытно и поучительно следить за процессом возрастания какой бы ни было

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru большой славы. Никакая слава не дается даром: ее надо взять с бою. Люди неохотно признают превосходство над собою одного человека и готовы ревновать даже такому успеху, который, собственно для них, не имеет никакой цены. Вот почему иногда глупец, не знающий грамоте, громче других кричит против литературной славы, потому только, что она – слава. Но, кроме бессознательной толпы, есть еще особенный род непримиримых врагов литературной славы, которых обязанность и назначение именно в том и состоит, чтобы сделать ценнее венки ее: сюда принадлежат маленькие таланты с большим самолюбием, разная посредственность, для мелкого эгоизма которой всякий успех есть личная, кровная обида. Эта моль и тля, враждебная всякой знаменитости, вечно воюет и грызется между собою; но при виде знаменитости, словно по инстинкту, действует согласно и дружно. Взаимное истребление у нее идет довольно успешно: поле битвы покрывается трупами, – и из этих гниющих трупов возникает новая моль, новая тля{101}, и эта история повторяется бесконечно. Но истребление истинной славы никогда не удается этой завистливой породе насекомых: мухи на время могут запачкать картину гения;

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой{102}.

Но моли, тле, мухам и подобным тому дрянным насекомым довольно и того, если им удастся хоть на минуту затемнить славу и на время помешать ее успехам, чтобы между тем, под шумок, пока общественное мнение еще не установилось от своего нерешительного колебания, воспользоваться крохами от убогой трапезы своей бедной известности. Забавно смотреть, когда эта тля, видя, что дело славы уже совершилось, теряется в отчаянии, сбивается с плана своей атаки – то, желая казаться беспристрастной в глазах толпы, уже не позволяющей ей обманывать себя, лукаво хвалит знаменитость, то, вновь приходя в бессильную ярость от глубоко уязвленного самолюбия, исступленно бранью изобличает притворство своих предательских похвал. Это часто случается во всякой литературе, где есть дюжинные таланты, есть посредственность, и где между ними возникает иногда могучий талант...

* * *

Кстати: что делается в нашей литературе? Увы, она предчувствует весну, несмотря на зимний холод и снег, которые так некстати превратили весну в зиму, – предчувствует весну – и начинает погружаться в свою обычную летаргию, которая продолжится до последних дней осени. Итак, остаются одни журналы, которые так и сяк, но все же бодрствуют в продолжение целого года. Что же нового в журналах? – Самая последняя и самая забавная новость в них – это рецензия «Библиотеки для чтения» на издание сочинений Гоголя в четырех томах. Эта рецензия особенно замечательна тем, что, за исключением немногих умышленно и неумышленно ложных взглядов, выраженных неприлично-бранчивыми фразами, о самих сочинениях почти ничего не сказано, а между тем рецензия довольно длинна. О чем же говорится в ней? – О том, что Гоголь зазнался, подчинясь прискорбному ослеплению самолюбия; что его понятия о своем значении в искусстве раздувались более и более; что надобно же будет, рано или поздно, его колоссальному тщеславию подать в отставку от потешного звания «первого поэта нашего времени» за неспособностью к этому званию и за ранами, нанесенными самолюбию (чьему? – не сказано в рецензии, но должно думать, что самолюбию рецензента «Библиотеки»); что ему, рецензенту{103}, иногда становится страшно, чтобы, для большого эффекта, Гомер Второй (то есть Гоголь) не закололся, и тому подобное... Все это не выдуманно и несколько не преувеличено нами: все это напечатано в «Литературной летописи» «Библиотеки для чтения» за март нынешнего года... Мы сочли необходимым подобное уверение с нашей стороны, что фразы «Библиотеки» переданы нами верно, без искажения и без преувеличения: читая их, мы не верили собственным глазам; а когда убедились, что наши глаза не обманывают нас, то не шутя стали бояться, чтобы «почтеннейший» рецензент, для большего эффекта, не закололся: ибо подобные фразы явно обнаруживают расстройство, вследствие сильного припадка отчаяния{104}. К какой стати, вместо разбора сочинений автора, толковать о его самолюбии, действительности которого, к довершению всего, еще и доказать нечем? «Вечера на хуторе» Гоголю кажутся менее заслуживающими внимания публики, чем позднейшие его произведения: если и допустить, что он ошибается, то где же тут самолюбие? Разве смотреть ошибочно на свои произведения – все равно, что увлекаться тщеславием? Да и кто дал право рецензенту «Библиотеки» на цензорство нравов писателя? Если он видит в себе идеал скромности, при огромном таланте – перед ним, – он может, сколько ему угодно, любоваться своими нравственными совершенствами, одному ему

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru известными; но пусть удержится от скромного стремления называть печатно известного писателя зазнайкою, хвастуном, помешанным от самолюбия и т. п. Такие замашки обнаруживают явно беспокойство и смущение духа! Мы знаем, что рецензент «Библиотеки» никогда не отличался эстетическим вкусом, мы помним, что он бранил Пушкина и превозносил г. Тимофеева, поставил ни во что лучшее произведение Лажечникова – «Ледяной дом» и превозносил до небес плохой роман г. Степанова – «Постоялый двор»; с презрением отзывался об исторических романах Вальтера Скотта – и провозгласил г. Кукольника великим гением...{105} Итак, нисколько не удивительно, что сочинения Гоголя недоступны, по своей высоте, для вкуса и разума реципиента «Библиотеки», и если бы его суждения о них проистекали только из безвкусицы и незнания в деле изящного, то мы и не обратили бы на них никакого внимания, снисходительно позволяя ему судить и рядить по крайнему его разумению. Но нет! В его бранчивых приговорах, кроме безвкусицы и неведения, выказывается еще и худо скрываема враждебность, какое-то ожесточение против таланта Гоголя{106}. Люди, не имеющие эстетического вкуса и эстетического образования, могут находить, например, комедию Гоголя «Женитьба» слабую, неудачную, если хотите; но никто из людей грамотных не скажет, чтобы в ней не было смысла. Что касается до «Разъезда», это превосходное произведение обратило на себя общее внимание и общие похвалы и друзей и недругов таланта Гоголя; а рецензент «Библиотеки» смело утверждает, что нелепее этой пьесы мир ничего не производил... Нет! как бы ни старался рецензент уверять нас в своем безвкусице и неведении, – мы поверим ему только наполовину, а другую отнесем к раздражительности глубоко оскорбленного самолюбия, которое сознало наконец бедность своего авторского дарования. И, конечно, Гоголь был виною этого сознания, равно как и того, что «Дева чудная», которую сочинитель обещал более года назад тому кончить и издать особою книгою, не являлась в свет...{107} После гоголевского юмора трудно иметь свой юмор; а после «Миргорода», повестей вроде «Шинели», романа вроде «Мертвых душ», кто же улыбнется при чтении «Фантастических путешествий» Барона Брамбеуса и его повестей, где мандаринши ищут у себя блох и подобные тому грубые сальности издают от себя свой особенный запах?... Нет, прошла, давно прошла пора авторского и юмористического гарцования для сочинителей вроде Барона Брамбеуса! Конечно, в этом опять-таки виноват Гоголь же, но, как говорит пословица, без вины виноват. Забавнее всего нападки рецензента «Библиотеки» на грязные картины в сочинениях Гоголя: подумаешь, дело идет о повестях Барона Брамбеуса... Особенно возмущает нашего благовоспитанного рецензента то, что герои Гоголя сморкаются, чихают и падают и что они ругаются канальями, подлецами, мошенниками, свиньями, свинтусами и фетюками... Все это кажется ему особенно несовместным с идеею поэмы: видно, что эту идею он вычитал из пиитики г. Толмачева или г. Георгиевского, где поэмы прописано сочинять непременно стихами и непременно «высоким слогом»{108}. Должно быть, ученому рецензенту неизвестно, как в поэме поэм – «Илиаде» не только люди, но и боги ругаются друг с другом не лучше героев повестей Гоголя: так, например, в XXI песне Арей называет Палладу «наглою мухою», а Гера-богиня Артемиду-богину – «бесстыдною псицею», или, говоря проще, – «сукою». Скажут: это недостатки поэзии грубых времен: старые песни! не недостатки, а верное изображение современной действительности, с ее бытом и ее понятиями! Г-н Полевой выдумал с горя называть юмор Гоголя «малороссийским жартом»;{109} рецензент «Библиотеки», во всем другом несогласный с г. Полевым, с радостью подхватил это слово «жарт» – и вышла нелепость: ибо малороссийский глагол жартовать значит – любезничать с женщинами, следовательно, слово жарт не имеет никакого соотношения с понятием о каком бы то ни было юморе – малороссийском или великороссийском... Очень забавно также видеть, как старается рецензент прикрыть неблагоприятные чувства свои к таланту Гоголя противоречащими брани похвалами: из Поль де Коков он уже произвел его в Диккенса, «Вечера на хуторе» похваливает, «Старосветских помещиков» находит художественным созданием, с похвалою отзывается о «Тарасе Бульбе» в его первобытном виде, но для того, чтобы тем больше унижить это произведение, вновь переделанное автором. И в то же время все эти повести в глазах нашего рецензента не более, как анекдоты!.. Как все это мелко и ничтожно!{110}

* * *

Новое доказательство старой истины – что худо рассчитанные удары бьют по воздуху или задевают самого же бойца, – представляет собою и наша журнальная кумушка «Северная пчела». Мы думали, что после выхода 3-й книжки «Отечественных записок» она догадается, что пора ей замолчать, и мысленно уже прощались с нею{111}. Но привычка к брани и мелочным придирам – вторая природа для этой достолюбезной газеты, – и вот она снова придирается к «Отечественным запискам». Заговаривать с нею мы никогда не были и не будем намерены; но отвечать ей положили себе за

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru неизменное правило. В 52 № своем, умолчав о том, что рассердило ее в 3-й книжке «Отечественных записок», – «Северная пчела» ни с того, ни с сего, как муха вокруг огня, засуетилась около нашей статьи о Державине и... опалила себе крылья. Выдергивая там и сям отдельные фразы из нашей статьи, «Северная пчела» прибавляет к ним остроумные восклицания собственного изобретения и думает, что она говорит дельно, остро и доказательно. Давно ли она говорила, что Державин перейдет к потомству с слишком легкой ношей? а теперь, чтобы только попротиворечить «Отечественным запискам», рассуждает о Державине уже совершенно другим тоном – именно тоном пиитик гг. Толмачева, Греча, Плаксина, Георгиевского и подобных им{112}. Державина идеи, говорит она, не для своего только времени, но всегда хороши: ибо он воспевал добродетель и истину. Прекрасно; но вопрос заключается не в одном том, чтб воспевал, но еще и как воспевал. Лучшим доказательством этому могут служить стихи Державина же о бессмертии души, выписанные в статье «Северной пчелы»: мысль стихов прекрасна и истинна, а стихи из рук вон – плохи. И потому стихов читать теперь никто не станет; следовательно, и мысли их не узнает. Надергав несколько фраз из разных мест большой статьи, не мудрено найти между ними противоречие, особенно при явном желании найти его во что бы ни стало: поэтому мы не будем спорить с «Северной пчелой» об этом предмете. Как понимает или как хочет понимать она все, касающееся до «Отечественных записок», – видно из того, что смешную пародию на пьяно-студентские стихи, напечатанную в «Смеси» «Отечественных записок», приняла она за настоящие стихи!..{113} Впрочем, может быть, она сделала это и без умысла, в простоте ума и сердца: ведь не всякому же дано понимать иронию, и есть много людей, которые все понимают только в буквальном смысле, даже если их уверяют, что они необыкновенно умны.. Наконец «Северная пчела» все эти мелкие придирки повершает формальной выдумкой, как доказательством своего бессилия. В «Отечественных записках» 1840 года (т. X, отд. V, стр. 29–30) было сказано, что после Лермонтова из современных живых поэтов (гг. Кукольника, Бенедиктова, Бернета, Красова и пр.) «поэзия Кольцова есть не современно важное, но безотносительно примечательное явление» и что «никого из явившихся вместе с ним и после него нельзя поставить с ним наряду»{114}. И что же? «Северная пчела» уверяет, будто мы Кольцова поставили выше Гомера, Данта, Шекспира, Пушкина, Гоголя!!!.. Вот до чего дошла эта жалкая газета: она перечитывает старые годы «Отечественных записок», чтобы переиначивать из них фразы и навязывать им нелепости, которых они и не думали говорить!.. В 57 № той же газеты г. Булгарин сравнивает себя с Сократом, в которого один афинянин бросил грязью; а «Отечественные записки», «Литературную газету» и «Москвитянина» сравнивает с этим афинянином!.. Вот поистине забавное сравнение! Г-н Булгарин и – Сократ!.. Сократ и – г. Булгарин!.. Удивительное сближение! Действительно, в жизни сих двух великих людей очень много сходного, хотя они и разделены тысячелетиями!.. –

* * *

В прошлой книжке «Отечественных записок» мы представили публике интересный по своей странности и дикости факт современной русской литературы: доказательства «Маяка», что русские литераторы должны выражаться маленько мужицкими словами: {115} «Маяк», в отношении к странности мнений и языка, можно назвать петербургским «Москвитянином»; теперь мы представим не менее любопытный факт суждений и тона московского «Маяка». Разбирая в мартовской своей книжке «Утреннюю зарю», альманах г. Владиславлева, вышедший еще в конце ноября прошлого года, рецензент распространился, между прочим, о «Медведе», повести графа Соллогуба, и по поводу этой повести поведал смиренной братии мудрость велию в сицевых словесах:

Знающие наизусть все подробности П(п)етербургского света говорят, что для них повесть еще занимательнее, потому что они могут вернее судить о сходстве копии с оригиналом самой жизни. Такое удовольствие не касается искусства, но подает нам повод к наблюдению над странною переимчивостью нашей северной С(с)толицы и над некоторыми особенностями ее нравов. В своенравном до безумия Париже явилась у людей странная охота титуловать себя именами животных, называться львами, львицами, тиграми и проч. Если вникнуть в дело, так ведь оно очень гадко: эте(и) имена не признак ли какого-то материального пресыщения жизнью в тех людях, которые удалились от христианства? Станным покажется в наше время такое возвращение ко временам языческим, а оно до того верно, что следующие слова Иоанна Златоуста как будто сегодня написаны: «Какое можешь представить благовидное извинение в том, что из льва делаешь человека, а о себе не заботишься, когда из человека делаешься львом»... Нейдет ли это к нашему времени,

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
когда человек постиг чудное искусство доводить зверство львиное до кротости и
общения человеческого, а сам вздумал называться именами самых хищных животных,
как будто хвастаясь своею животного натурою...{116}

И проч. Всего не выписываем: довольно и этого; судить об этом факте не хотим: он
говорит сам за себя...

Продолжение

В № 129-м («Северной пчелы») один из ее фельетонистов объявил важную истину по
вопросу, почему нынче не пишут более сказок вроде «Модной жены» Дмитриева? – Вы,
верно, скажете: потому же, почему нынче не пудрят волос, не носят фижм и мушек,
не танцуют менуэта и не поют:

Стонет сизый голубочик,
Стонет он и день и ночь,
Его миленький дружок
Отлетел далеко прочь!{117}

и прочая. Извините! Г-н фельетонист уверяет, что не пишут потому, что не умеют
писать таких сказок. А не умеют, разумеется, потому, что нынче нет талантов,
равных таланту Дмитриева. Ну, посудите сами, хорошо ли это? Что Дмитриев был
стихотворец с большим талантом и даже поэт не без дарования, – в этом нет ни
малейшего сомнения. А с которого времени перестали на Руси писать сказки вроде
«Модной жены» Дмитриева и вообще всякие сказки в духе XVIII века? Сколько мы
помним, давно! После Дмитриева явился на Руси поэт неизмеримо выше его –
Жуковский; он не написал ни одной сказки, и уж, верно, не по недостатку таланта.
Правда, поэт, бывший после Дмитриева и тоже стоящий неизмеримо выше его, –
Батюшков, написал одну сказку; но его «Странствователь и домосед» был последнею
сказкою в этом роде, появление которой, несмотря на достоинство языка и
рассказа, уже не произвело никакого особенного впечатления на современников. А
сказка эта напечатана в первый раз в «Амфионе» Мерзлякова в 1815 году,
следовательно, около двадцати восьми лет тому назад, и с тех пор уже не было на
русском языке ни одной сказки в таком роде. Неужели же Батюшков был последний
даровитый поэт на Руси и после него не было ни одного поэта с равным ему
талантом? Не знаем, право; но после Батюшкова был Пушкин, Грибоедов, Лермонтов...
Неужели же у этих поэтов не стало бы таланта для того, чтоб написать безделку
вроде «Модной жены»?..

Все это г. Булгарин, может быть, понимает и сам как следует, да ему надобно, ему
нужно понимать все это не так, как следует... Доказательство тому – в следующих
словах того же фельетона: «Читайте даже по-русски, хотя бы из национальной
гордости. Скучно повторять, старое, но я уверен, что еще много есть людей,
которым Карамзин, И. И. Дмитриев, Богданович, Батюшков известны или по отрывкам,
или по слуху... Обратитесь к ним, и вам не будет стыдно за русскую литературу!
Теперь новые журналисты, которые сами не пишут вовсе ничего (?!!), а только
читают корректуры своих сотрудников и нас, учеников Карамзина и Дмитриева,
называют уже старыми!!!»{118} А, вот что! – можем мы воскликнуть. Вот откуда
оно, это благоговение к Карамзину и Дмитриеву! Ученик хвалит учителя по простому
расчету: если-де не будут читать моего учителя, который в тысячу тысяч раз выше
меня, то уж станут ли читать меня, который в тысячу тысяч раз хуже моего
учителя?.. Это напоминает нам, между прочим, и басню Крылова «Орел и Паук»...
Положим, что Карамзин и Дмитриев так хорошо писали, что их и теперь еще
следовало бы читать; да вас-то, господа, за что читать? – Мы их ученики,
воскликнете вы. – Прекрасно, но ведь это напоминает стих: «Да наши предки Рим
спасли!»{119} Притом же, мало ли у иного и действительно великого мастера
бесталантных учеников: мастеру честь по заслугам, а до учеников его кому какое
дело?..

* * *

В этом же фельетоне находится забавная апология Эжену Сю. Фельетонист видит
гения в этом блестящем, не бездарном, но поверхностном, пустом беллетристе
французской литературы. Защищая его от нападков за безнравственность, фельетонист
говорит в заключение: «По моему мнению, только Жорж Занд, то есть г-жа Дюдеван,
написала безнравственные вещи, но и она теперь опомнилась, удостоверясь, что
слава безнравственного писателя – жалкая слава!» Затем следует апология книжному
магазину г. Ольхина и клятвенные уверения, что нет возможности перечислить и

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru переименовать все хорошие новые русские книги, которые продаются в этом магазине. Право, чем толковать о Жорже Занде, лучше бы вам, господа, ограничиться рассуждениями о Эжене Сю да дифирамбами разным магазинам... Кстати о безнравственности Жоржа Занда. О нравственности Гете также много было толков и за и против; о ней спорят и теперь, соглашаясь, однако ж, в том, что Гете был великий писатель. Но кто же и когда сомневался в нравственности Шиллера? Теперь не думают этого даже люди, которые глупее самого Николаи, нападавшего на Шиллера и Гете{120}. Однако ж в первые минуты появления своего яркая звезда гения Шиллера не могла не показаться многим безнравственной, пока эти многие не пригляделись и не попривыкли к ее нестерпимому блеску. На Байрона смотрели, как на чудовище нечестия: теперь на него смотрят, как на страдальца. Было время, когда у нас Пушкина считали безнравственным писателем и боялись давать его читать девушкам и молодым людям: теперь никто не побоится дать его в руки даже детям{121}.

* * *

Фельетон 135 № «Северной пчелы» наполнен льстивыми разглагольствованиями о провинции. Там-то – видите ли – процветает и просвещение, и добродетель, и счастье, и вкус изящный, и образованность, и начитанность, и патриотизм, и все благородные чувства, все великое, святое и прекрасное жизни; а отчего? – оттого, что оттуда присылаются требования за пятью печатями на книги, журналы, газеты... Льстивые разглагольствования оканчиваются гимнами и дифирамбами в честь книжного магазина г. Ольхина и во славу издаваемых им книжных изделий...{122} О tempora, o mores! [29]{123} Мимоходом разруганы «Мертвые души» и «Ревизор», как клевета на провинцию и карикатуры на провинциальные нравы. Жаль, что при этом удобном случае не объявлено, почему же провинция с такою жадностью расхвотала «Мертвые души» и «Ревизора»: объяснение было бы очень интересно... Между прочим, вот что еще сказано в этой любопытной статье: «Не многим из городских жителей известно, что некоторые из господ журналистов и книгопродавцев печатают особые объявления для провинций и что в этих объявлениях они говорят о себе и о своих журналах и лавках такие вещи, которые возбудили бы общий хохот в столице, где на людей и на дела смотрят вблизи! Эти несчастные спекуляторы думают, что они ловят на удочку простодушных провинциалов, а в провинциях, напротив, платят им деньги из сострадания, из жалости – руководствуясь одним патриотизмом». О каких объявлениях, секретно рассылаемых в провинции, говорится здесь? Правда, было некогда разослано в провинции печатное объявление о публичных чтениях г-на Греча, очень ловко написанное, и оно было, в свое время, перепечатано в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»»(1840){124}. Оно случайно попало в редакцию этой газеты, будучи прислано из провинции; иначе Петербург и на увидел бы его. Что же касается до спекулянтских книгопродавческих объявлений, – они беспрестанно попадают даже в фельетонах иных газет, где издания разных вздоров, вроде «Супружеской истины»{125}, и перепечатку залежалых изделий выписавшихся и вышедших из моды старых писак – величают оживлением русской литературы!

В этом же фельетоне замечено, что «есть и теперь в провинциалах свое смешное и кое-что такое, что б надлежало истреблять орудием благонамеренной сатиры, но до этого именно еще не коснулись нынешние комики и сатирики». Так кто же, по вашему мнению, коснулся этого? Уж не старые ли сатирики, ученики Карамзина и Дмитриева? Где им! Понятие о сатире далеко ушло вперед со времен Карамзина и Дмитриева. Теперь сатириками поставляют за честь называть себя только выписавшиеся старые писаки – ученики, в сатире, Сумарокова. Сатиру заменили теперь художественные создания – роман и комедия, как выражения общественной жизни, и такой роман имеем мы в «Мертвых душах», и такую комедию в «Ревизоре». – Тут же рассказан чувствительным слогом учеников Карамзина трогательный пример душевной болезни, которую немцы называют *Heimweh*, а русские – тоскою по родине. Кто-то до того близкий г. фельетонисту (собственные слова его), что его можно счесть за самого г. фельетониста, стосковался на чужбине – по чем бы вы думали? – по какой-то рыбе (должно быть, соленой севрюжине – самая национальная рыба!) и гнилых диких грушах... Человек этот начал худеть и впал было в меланхолию, да, к счастью, поспешил воротиться на родину... Нет, господа ученики Карамзина! вы отстали даже и от Карамзина, который никогда не поставлял любви к родине в любви к рыбе и гнилым грушам. А еще хотите, чтоб вас читали, и берете смелость восклицать к людям, которые боятся скуки деревенской жизни: «А мы-то на что!» Такого рода деликатное восклицание могло сорваться только с пера какого-нибудь дюжинного писаки...

Весь фельетон 140 № «Северной пчелы» наполнен нападками на совместничество, которым с умыслом неправильно переводится слово *conspicence*, означающее не совместничество, а соревнование. «Северная пчела» – отъявленный враг всякого соревнования и страстная поклонница и любитель монополии! Где теперь старинные гродетуры и гроденапли, кожаные венецианские золоченые и росписные обои, гобелены, обои шелковые, северский и майенский фарфор, богемское стекло, брабантские кружева, филиграновая работа? – восклицает он. Все эти вещи бесспорно были очень хороши, но так дороги, что ими пользовалась только небольшая часть привилегированных людей. Благодаря дешевизне, свободному производству и индустрии XIX века, теперь несравненно большее против прошлого века число людей пользуется благами цивилизации и образованности; можно надеяться, что со временем, благодаря им же, и еще несравненно большее число людей начнет жить по-человечески, то есть с удобством, опрятностью и даже изяществом. Итак, хвала соревнованию, свободному производству, индустрии и в особенности благодетельной дешевизне – этому новому покровительному гению нашего времени! Ими спасется бедное, страдающее от разных монополий человечество! «Северную пчелу» приводит в негодование дешевизна поездок за границу. Другое дело, говорит она, когда едет ученый, артист, фабрикант, мастерской; а то праздношатающиеся, которые не читают даже сочинений учеников Карамзина и Дмитриева!.. Но если бы последние не могли ездить дешево, то и первые принуждены были бы сидеть дома. По мнению «Северной пчелы», соревнование, ошибочно называемое ею совместничеством, погубило литературу и в Европе и у нас, в России... В самом деле, если б, например, «Северная пчела» одна пользовалась литературного монополией), то есть единоторжием, мы уверены, русская литература расцвела бы в один год... Кто же усомнится в этом!..

* * *

Но довольно для первого раза. В следующей книжке «Отечественных записок», между прочим, познакомим мы читателей с другим фельетонистом «Северной пчелы». Подобно первому, он «знаменитый», хотя и не раз немилосердно обруганный в «Северной пчеле» романист; подобно первому, он написал в жизнь свою томов семьдесят и намерен еще столько же написать; сверх того, он еще и драматург не последний... Имя его... но мы скажем вам знаменитое его имя в следующий раз;{126} а пока заключим наши «заметки» курьезным, но нисколько не вымышленным известием, что один журнал, издающийся в монгольско-китайском духе, находя язык Пушкина не русским, вознамерился перевести всего Пушкина по-русски!!!.. Для этого приискал он себе какого-то дешевого горемычного пииту, существование которого мистериозно, то есть покрыто тайною...{127} Вот какие чудные дела готовы совершиться в русской литературе!..

Продолжение

Мы как-то раз обещали читателям познакомить их с одним из фельетонистов «Северной пчелы»{128}, – и что же? наше обещание многими было растолковано в дурную сторону. Говорили, что мы хотим написать тип, составленный из черт частной жизни почтенного фельетониста... Что за смешные люди! Неужели не знают они, что, во-первых, личности не могут быть печатаемы и, во-вторых, что мы не любим их и пишем всегда так, чтоб читатель мог сказать:

Тут не лицо, а только литератор!{129}

Давно уже в «Северной пчеле» печатаются фельетоны, подписываемые заветными и таинственными буквами Р. З. Эти буквы многих приводили в крайнее изумление, и никто не хотел верить, чтоб они означали г. Рафаила Зотова, о котором порядочная читающая публика узнала из первого тома «Ста русских литераторов»{130}.

Для нас нисколько не было удивительно ни то, что г. Рафаил Зотов захотел быть фельетонистом «Северной пчелы», и то, что «Пчела» решила г. Рафаила Зотова взять к себе в фельетонисты. Однако ж мы думали, что это дело, для пользы и чести обеих сторон, останется в секрете. Оно и было в секрете довольно долго. Над фельетонами г. Рафаила Зотова читатели сперва смеялись, потом зевали за ними, а наконец вовсе перестали их читать, – как вдруг, в 155 № «Северной пчелы» нынешнего года, великий незнакомец, подобно Вальтеру Скотту, снял с себя маску и, к удивлению публики, решил назваться собственным своим именем{131}. «Вы уже читали мой фельетон о немецкой певице Валькер», – говорит он, давая тем знать, что он – фельетонист «Северной пчелы» и что его фельетоны даже находят себе

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru читателей. «Достается мне, как фельетонисту «Северной пчелы»», – восклицает он далее, давая тем знать, что у него есть даже враги и что его фельетоны наделали ему врагов... Не довольствуясь этими небылицами, он начинает уверять, что «пишет по внутреннему убеждению и с чистою благонамеренностью». «Я (говорит он) ищу лучшего в области искусств, хочу содействовать к усовершенствованию отечественных дарований и самым скромным образом представляю к этому (?) мои мнения. Опытности моей – увы! – (именно увы!) в театральном деле, верно, у меня не отнимут и жесточайшие враги мои. Дав на сцену более девяноста пьес (в том числе более двадцати опер), я, кажется, могу знать и сцену и музыку». Каков тон! Не правда ли, что и приличный и скромный?

Этого бы довольно для знакомства с фельетонистом «Северной пчелы», но мы прибавим еще несколько «некоторых черт». В 209 № той же газеты г. Рафаил Зотов принялся рассуждать о новостях французской литературы. Вот неоспоримые доказательства: говоря о «Консюэло» Жоржа Занда, г. Р. З. Порпору везде называет Порпозю; граф Альберт Рудольштадт назван у него Фридрихом; Консюэло у нашего фельетониста является к графу Рудольштадту с рекомендательным письмом от графа Джустиниани, – тогда как у Жоржа Занда она является к нему с письмом от Порпоры; наконец, у фельетониста Порпора не позволяет Консюэле отвечать на письма Альберта, – тогда как у Жоржа Занда Порпора, не имевший никакого права что-либо запрещать Консюэле, крадет у нее, из корыстных расчетов, ее письмо к Альберту... Из этого видно, что г. Рафаил Зотов рассказал не содержание «Консюэлы», а пародию на содержание этого превосходного произведения. – Говоря о романе Дюма «Жорж», фельетонист пускается в любезности, напоминая собою любезности князя Шаликова: «Много (говорит он) есть неправдоподобного, но милые читательницы, верно, этого не заметят: сквозь слезы этого не видать». Как это остро и мило! {132}

Мы всё говорили о таланте, изобретательности и взгляде на предметы г. Рафаила Зотова; скажем теперь несколько слов о его знании русского языка. Вот на выдержку фраза из фельетона 219 № «Северной пчелы»: «Увидев бенефисную афишку г-жи Сосницкой, сколько приятных надежд представилось нам вдруг». Или вот из фельетона 270 № той же газеты: «Здесь знатоки чувствуют, что не послушав ее(я) (то есть г-жи Виардо-Гарсии) две недели, уже ощутительна перемена и быстрые шаги к «достижению совершенства»». Подобные обороты в старину назывались галлицизмами! – В том же фельетоне 219 № есть выражение: «на вечные, потомственные времена», в котором нет смысла, и еще выражение: «философическая идея о золоте» и «философическая картина», – выражения, которые фельетонист применил к двум недавно павшим на сцене Александрийского театра пьесам г. Полевого и которые не менее прочих доказывают замечательное безвкусие и неумение г. Рафаила Зотова писать по-русски.

Забавнее всего, что г. Рафаил Зотов, в одном из последних номеров (№ 268) «Северной пчелы», не вытерпел и разразился таким гневом на «Отечественные записки», что невозможно без улыбки сострадания читать его филиппики. Г-н Р. Зотов кричит в ужасе, что «критики «Отечественных записок» с фанатической яростью восстают на всякое произведение не из их литературной касты», обещает критикам «Отечественных записок» «участь лятеля Зоила» и с сокрушенным сердцем старается убедить нас, что «литературный приговор дело великое», что «он должен быть произносим с осторожностью, потому что может ободрить и убить дарование», что, наконец, «приговор «Отечественных записок» не может оскорбить писателя» и пр. и пр. Но да успокоится почтенный фельетонист: никакая критика не убьет его «дарования», по самой простой причине.

* * *

Но довольно о г. Рафаиле Зотове, фельетонисте «Северной пчелы» и авторе девяноста драматических пьес и полусотни неведомых миру романов. Поговорим о третьем фельетонисте той же газеты.

Еще в конце прошлого года «Северная пчела» возвестила, что с будущего, 1843 года в ней участвует какой-то знаменитый русский литератор, впрочем, решающийся появляться в ней не иначе, как инкогнито, под буквами Z. Z. В 197 № «Северной пчелы» напечатана статья этого второго великого незнакомца, г. Z. Z., о новом издании сочинений Державина. Между прочими нескладницами, выданными, однако же, за высшие взгляды, таинственный г. Z. Z. сильно нападает на какого-то журнального смельчака, который будто бы неуважительно отзывался о Державине и которого отзыв будто бы встречен был всеми с должным негодованием {133}.

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Разумеется, тут делаются, кстати, намеки на заносчивую полуученость, на удивительную дерзость и подобные пороки, в которых, бывало, старики упрекали г. Подвигото даже за дельные и здравые его суждения о Сумарокове, Хераскове и других старых и новых знаменитостях. Помним, что его называли также и смельчаком, и притом за такие мнения, в которых теперь никто не видит ни малейшей смелости. Времена переходчивы, и жизнь страшно играет людьми: смелых она лишает смелости, высшие взгляды превращает в плоские общие места, людей, которые думали, что за ними не поспевают время, превращает в отсталых и ворчунов, для которых каждая новая мысль есть преступление, – и... мало ли, как еще смеется жизнь над людьми!.. Но, во всяком случае, смелость – не порок, а достоинство, ибо она выходит из любви к истине и есть свойство души благородной и пылкой, тогда как робость – признак бедности духа и мелкости ума. Смелостью доходят люди до сознания новых истин; смелостью движется общество. Те, которые чувствуют в себе свежую силу деятельности и священный огонь истины, – неужели должны смущаться криками и клеветой каких-нибудь заживо умерших quasi[30] знаменитостей?.. О, нет! вперед и вперед! Ограниченность и зависть забудутся, а благая деятельность и любовь к истине всегда будут замечены и дадут плод свой во время свое...

< >

Дав место чужому мнению{134}, возвратимся опять к «Северной пчеле», которая, как известно, состоя по особым поручениям при «Отечественных записках», так усердно хлопочет об известности их и умышленно, но с добрым намерением говорит о них разные нелепости. В «Отечественных записках», в отделе «Критики», печатались в нынешнем году, по поводу «Сочинений Пушкина», большие статьи по части истории русской литературы; эти статьи имеют связь между собою, и часто одна статья есть развитие мыслей, едва обозначенных в предыдущей, или, напротив, повторение в кратких словах того, что было прежде в подробности изложено. «Северная пчела», ревнуя к пользам «Отечественных записок», догадалась, что им бы весьма хотелось обратить на эти исторические статьи внимание публики и, в порыве своей ревности, принялась за дело весьма ловко: она знает, что в предмете столь щекотливом, как история литературы, особенно современной, значение каждого слова изменяется, смотря по тому, где оно поставлено, что ему предшествует и что за ним следует, а наконец, по тому, какой смысл дан этому слову предшествовавшим изложением. По причине этой умышленной и весьма благонамеренной рассеянности «Северная пчела», выписав наудачу несколько слов о Карамзине, Державине, Жуковском и других, так сводит их вместе, что не читавшие «Отечественных записок» могут подумать, будто они питают величайшую злобу против всех имен, которым русская литература обязана своею славою. Вот что значит усердие, руководимое опытною журнального тактикою! «Северная пчела» вырывает клочками фразы из длинных статей и приписывает им такой смысл, какого они не имели. Она знает, что есть люди, которых никак не убедишь, что, например, слова: «Г-н А. более замечателен по мыслям» отнюдь не значат, что у г. А. нет чувства, или: «Г-н Б. более замечателен по блестящему стиху» отнюдь не значат, что у г. Б. отсутствие мыслей. Что делать! есть на сем свете такие господа Половинкины, которые читают только половину книги, половину страницы, половину фразы, едва ли не половину слова, – и из этих половинок сшивают себе целое мнение. Вот таких-то людей и имеет в виду добрая и услужливая газета: она знает, что эти люди, прочитав вырванные ею строки, рассердятся и бросятся читать «Отечественные записки»; тут-то они и пойманы: прочитав, они найдут совсем другое, примирятся с журналом и сделаются постоянными его читателями. Так и следует поступать, если хочешь услужить! Вот пример недавний: в 256 № «Северная пчела» производит фальшивую атаку на статью «Отечественных записок» о Жуковском{135}. Она вырывает из статьи разные фразы, которые без связи с целым действительно могут иметь призраки того смысла, который как будто хочется найти в них фельетонисту. Вследствие этих вырванных там и сям коротких фраз из огромной статьи «Отечественные записки» действительно могут сделаться в глазах поверхностных читателей таким журналом, который не умеет отдавать должной справедливости Карамзину, Жуковскому и другим знаменитым и заслуженным деятелям русской литературы. Не видно ли в этом горячего усердия доброй газеты к пользам «Отечественных записок»? Такой способ нападения был бы уже слишком неловок, если б он был внушен враждебностию и желанием вредить. Всякий основательный читатель, развернув «Отечественные записки» и вникнув в смысл целой статьи, увидел бы тотчас, что «Северная пчела» с дурным умыслом искажила содержание статьи и доносит...{136} читателям не то, что сказано «Отечественными записками». Конечно, всякий основательный читатель и теперь может это сделать, но теперь он увидит, что «Северная пчела» сделала это с добрым намерением, и похвалит ее умнее достигать доброй цели, то есть как можно чаще заставляя своих читателей заглядывать в «Отечественные записки». Делая вид, будто заступает за

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru Жуковского против «Отечественных записок», «Северная пчела» спрашивает: «Кто ввел романтизм в русскую поэзию?» А о чем же и говорится, что же и доказывается в статье «Отечественных записок», как не то именно, что Жуковский ввел романтизм в русскую литературу? Эта почтенная газета уверяет еще, будто Лермонтова мы считаем равным Карамзину писателем... Какое противоречие! Мы превозносим Лермонтова, равняя его с унижаемым нами Карамзиным!!!.. Воля ваша, а это – верх усердия в желании услужить нам! Правда, излишество этого усердия довело почтенного фельетониста до нелепости и бессмыслицы; но благое намерение чего не оправдывает! Правда, мы никогда не равняли Лермонтова с Карамзиным, потому что было бы нелепо сравнивать великого поэта с знаменитым литератором и историком, и Лермонтова если можно с кем сравнивать, так разве с Жуковским, с Пушкиным, а уж отнюдь не с Карамзиным; но ведь «Северной пчеле» до этого что за дело? Ей нужно заставить, какими бы то ни было средствами, всех и каждого читать «Отечественные записки», а до смысла и правды нет надобности... Она говорит, что мы называем Жуковского изрядным переводчиком: кто читал нашу статью, тот помнит, что мы везде называем Жуковского то превосходным, то беспримерным переводчиком. Что же причину этого изрядного искажения наших слов, если не излишество усердия к нашим пользам? «Северная пчела» ставит нам (разумеется, притворно) в великую вину наш отзыв о забытых теперь балладах Жуковского «Людмиле» и «Светлане»; но кто из людей, имеющих хоть сколько-нибудь смысла и вкуса, не согласится безусловно с нашим мнением об этих незрелых, юношеских произведениях поэта, столь богатого другими произведениями великого достоинства? Верно, чувствуя, что эта нападка на нас уже чересчур усердна, «Северная пчела» придирается к языку и восклицает: «Зачем же вы, великие мужи нашего времени, пишете, как писали подьячие прошлого времени? Стихи, которыми она, то есть баллада, писана! Так не напишет ни один посредственный литератор!..» Час от часу лучше! Ведь можно сказать – и все русские всегда говорили, говорят и будут говорить: такая-то поэма писана гекзаметрами, а такая-то шестистопными ямбическими стихами, а нельзя, видите, сказать: «стихи, которыми писана баллада...» «Северная пчела» говорит, в «Отечественных записках» грамматики нет ни капли: чувствуете ли гиперболу? Чувствуете ли, что сам фельетонист совсем этого не думает он наперед убежден, что никто ему не поверит? «Северная пчела» как бы издевается над нашею фразою: «почувствуете себя скучающими и утомленными»; может быть, так нельзя сказать по-русски, но по-русски это можно и очень можно сказать{137}. «Северная пчела» делает вид, будто ее страшит то, что «Отечественные записки» овладевают беспрекословно литературным поприщем и утверждают на нем свое мнение. Тонкий намек, тонкая похвала, которую тотчас можно заметить под покровом умышленной боязни! Разумеется, «Северная пчела» очень хорошо понимает, что достичь этой цели журнал может только своим внутренним достоинством, силою своего мнения, а не фельетонными проделками, то есть криками о своих мнимых заслугах, бранью на все талантливое и даровитое и т. п. – Добрая газета говорит, что «Отечественные записки» льстят юношеству и детей называют умнее отцов. Опять тонкая штука! Кто же поверит, будто «Северная пчела» так уж недальновидна, будто не понимает, что процесс совершенствования общества производится именно через умственный и нравственный успех юных поколений? Было время, когда жгли колдунов и пытали не одних обвиненных, но и подозреваемых в преступлении; теперь этого нет вовсе: не выше ли же, не умнее ли люди нашего времени людей тех варварских и невежественных времен? А каким образом люди нашего времени стали так выше и так умнее людей того времени? – Разумеется, не вдруг, а через постепенное улучшение каждого нового поколения перед старым. Разумеется, наши понятия свежее, шире и глубже понятий отцов наших – так же, как понятия детей наших будут свежее, шире и глубже наших понятий. Иначе дети наши были бы жалким поколением, недостойным дышать воздухом и видеть свет божий. – Далее, «Северная пчела» советует своим читателям внимательнее прочесть в нашей статье о Жуковском место от слов: «гораздо выше романтизм греческий» до слов: «в честь обоих погибших и была воздвигнута статуя Антэрос» и убеждает при этом отцов и матерей не давать в руки своим детям «Отечественных записок». Ловкий оборот, раздражающий любопытство тех, которые не читали нашей статьи о Жуковском! Известно, что все таинственное, воспрещаемое только привлекает к себе, а не отталкивает. И потому избави вас бог подозревать в этих словах «Северной пчелы» злой умысел или черную клевету. Ничего этого нет. Все это не более как журнальная штука. Во-первых, «Северная пчела» знает, что указываемое ею место заключает в себе такие факты о древнем мире, которые изучаются юношеством как предмет искусства древностей и истории и которые могут казаться неприличными только чопорному жеманству мещан во дворянстве. Во-вторых, какие же родители позволяют малолетним детям читать журналы, издаваемые для взрослых людей? Вероятно, если отец находит в журнале что-нибудь интересное и полезное для детей, сам читает им это, выпуская при чтении все, чего не следует детям знать. Так, например, что интересного и

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru поучительного для детей узнать из 170 № «Северной пчелы», что г. Греч, рассерженный голландскою медленностью, «не мог удержаться от древнего восклицания, которым на Руси выражаются всякие движения душевные» и которое заставило его просить у двух немцев извинения в том, что он русский («Северная пчела», № 170)?.. Что полезного увидят они в рассказах того же г. Греча (присылаемых из Парижа) о подвигах парижских воров и мошенников или о похождениях французских актрис, например, о болезни девицы Рашель, которая избавится от этой болезни через шесть недель? Что наставительного прочтут они в «юмористических» статейках г. Булгарина, где говорится о взяточниках-подьячих, и проч. и проч.? Детям тут нечего читать; старики же посмеиваются, поморщиваются, а все-таки читают... «Северная пчела» знает это очень хорошо и потому-то так смело нападает на «Отечественные записки». – Чтоб не пропустить времени подписки на журналы, она теперь удваивает свое усердие и нарочно громоздит нелепость на нелепости, чтоб только выказать нам свою службу, за что мы и благодарим ее всепокорно. Она уж прямо говорит, что все наши суждения о литературе (№ 256) сущая нелепица и один расчет. Так и надо! она ведь знает, что никто не повторит этого о журнале, который давно уже пользуется известностью, как лучший русский журнал, и который приобрел уже огромный успех и доверие в публике. Этого мало: она теперь, кажется, в сотый раз уверяет, будто «Отечественные записки» издаются для какого-то бедного семейства, тогда как давно уже доказано, что «Отечественные записки» никогда не издавались, не издаются и не будут издаваться в пользу какого бы то ни было бедного семейства и что они составляют собственность издателя их, ни с кем им не разделяемую{138}. Такое усердие к нашим пользам нам даже кажется немножко излишним. Зачем прибегать к подобным ухищрениям для привлечения нам подписчиков, которых и без того много? «Северная пчела» может доставлять, как и доставляла до сих пор, нам читателей простыми средствами, то есть браня нас ежедневно. – Вот что касается до извещения ее (№ 256), будто бы «Отечественные записки» обязаны своим существованием (?!) великодушному самоотвержению бумажного фабриканта, бумагопродавца и типографщика г. Жернакова (???!!!), – это другое дело: она, во-первых, хотела риторическим языком сказать простую истину – что «Отечественные записки» печатаются в типографии г. Жернакова, которая действительно работает очень усердно, хотя и не самоотверженно, потому что весьма исправно получает за это довольно значительную плату; во-вторых, ей хотелось намекнуть, что «Отечественные записки» с будущего года не будут уже печататься в типографии г. Жернакова, а перенесутся в другую типографию; но она остерегалась это сделать, дожидаясь нашего о том извещения; мы же, с своей стороны, не считали за нужное извещать о такой безделице. Но теперь, чтоб выручить из беды «Северную пчелу», желавшую подать нам случай опровергнуть объявления ее, будто журнал наш не мог и не может существовать без типографии г. Жернакова, – вынуждены сказать, что действительно с будущего года «Отечественные записки» будут печататься в типографии г. Глазунова и К^о, где уже, нарочно для них, куплена большая скоропечатная машина, могущая отпечатывать до 1000 листов в час, и приготовлен новый шрифт из знаменитой словолитни г. Ревильона. Первая книжка «Отечественных записок» 1844 года будет уже набрана этим шрифтом и отпечатана на этой машине. Скорость печатания доставит нам возможность ранее рассылать книжки для иногородних читателей, нежели как было делается это до сих пор. Довольно ли?

Но напрасно, нам кажется, «Северная пчела» жалуется, будто мы обижаем ее за ее похвалы г. Ольхину. Опять не то, и, вероятно, опять из усердия к нам! Мы смеемся только над гимнами и дифирамбами ее г. Ольхину, о котором она говорит, что – не то воздвигся, не то восстал новый деятель, которого природа одарила дивными качествами ума и сердца, потому что он издает сочинения г. Ф. Булгарина, ничего ему за них не заплативши (№ 256 «Северной пчелы»). Действительно, со стороны г. Ольхина очень великодушно употребить значительную сумму на издание старого литературного хлама, которого, конечно, у него никто покупать не будет; но что же в этом пользы для русской литературы? По нашему мнению, это даже и совсем не литературное дело. В том же нумере «Северной пчелы» говорится, что «иностранные журналы берут деньги с актеров, авторов и книгопродавцев за похвалы», и к этому прибавляет элегическим тоном: «Быть может; но у нас нѣ(е)кому дать и нѣ(е)кому взять! Какой актер, какой автор, какой книгопродавец у нас даст деньги!» В самом деле, должно быть прискорбно, – и мы на можем не уважить этого уныния нашей доброй газеты, хотя, право, никак не в силах разделять его, потому что ничего не понимаем по этой части...{139} Но это эпизод, вставка: обратимся к главному.

«Северная пчела» служит нам не только тогда, когда бранит «Отечественные записки», вызывая этим нас на победоносное опровержение, но и тогда, когда восхваляет такие журналы, похвалу которым всякий примет не иначе, как за иронию.

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Прежде всего она преусердно хвалит самое себя: к этому уже все привыкли, и всякий знает этому цену. Потом она уверяет публику, что «Сын отечества» под редакцию г. Масальского сделался «прекрасным, прелюбопытным, справедливым и беспристрастным в своих суждениях журналом», и что будто бы сей г. Масальский «трудами своими заслужил почетное имя в литературе, а благонамеренностью своих критик приобрел уважение даже своих противников», и что к совершенству издаваемого им «Сына отечества» недостает только аккуратности в выходе книжек... Как неприметно и больно уколот этим несчастный «Сын отечества!» [31]

Вот также черта услужливости «Северной пчелы» в отношении к нам. Ей (№ 232) не понравилось суждение наше об «Истории государства Российского» Карамзина {140}, и она начинает рассуждать, какое имеет право судить об истории Карамзина издатель «Отечественных записок»? и решает, что он не имеет никакого права, ибо не написал нескольких сочинений, удовлетворяющих потребностям современного общества. Как, спросите вы: неужели для того, чтоб иметь право критиковать, например, «Илиаду», критик сперва сам должен написать поэму не хуже Гомеровою? Неужели критика не есть самостоятельный талант, который выказывается не в своем призвании, в своем деле, то есть в критике, а в поэзии, в истории и т. д.?.. Да после этого не только поэты и историки лишат критиков права судить о поэтических и исторических сочинениях, но нельзя будет сказать и портному; зачем он вам испортил фрак, не опасаясь услышать от него в оправдание: «А вы разве умеете шить фрак лучше моего, что беретесь критиковать мою работу?» – Еще образчик: «Северная пчела» выдумывает (№ 250), будто мы упрекаем г. Ф. Булгарина в старости, словно в пороке каком-нибудь, тогда как мы говорили не о старости его, а о том, что он выдает за новость понятия и идеи, которые были новы, интересны и основательны назад тому лет тридцать с небольшим, и о том еще, что г. Ф. Булгарин давно уже весь выписался... {141} Что же делает «Северная пчела»? Она примером Вальтера Скотта, Вольтера, Гете, Шарля Нодье, Ламартина, Кузена, Вильмена, Гизо, Баранта, Шатобриана, Карамзина и Жуковского начала доказывать, что г. Ф. Булгарин и в преклонных летах может быть отличным прозаиком, критиком, историком и романистом!!!.. Скажите, пожалуйста, можно ли так шутить!..

Лестное внимание к нам со стороны «Северной пчелы» и верная долговременная служба ее «Отечественным запискам» трогает нас до глубины души, и мы в конце года обязанности считаем свидетельствовать ей нашу искреннюю благодарность. Почти не бывает номера этой газеты, в котором не говорилось бы, прямо или косвенно, об «Отечественных записках», особенно в субботних фельетонах, которые пишутся исключительно для одних «Отечественных записок». «Северная пчела» учит наизусть и знает все статьи наши, особенно критические, библиографические и «журнальные заметки», в то же время притворно уверяя публику, будто ее издатели и сотрудники и в руки не берут «Отечественных записок», почитая для себя униженным читать их и еще более – писать о них. Нам не для чего притворяться, и потому мы можем прямо и открыто сказать, что читаем в «Северной пчеле» аккуратно все статьи и статейки, в которых упоминается что-либо об «Отечественных записках». Благодарность – чувство невольное, а мы так одолжены «Северной пчелою»! Будем надеяться, что в следующем году усердие «Северной пчелы» не ослабнет, и она не раз подаст нам повод поговорить о самих себе публике: она знает, что без этого повода мы никогда не говорим о себе. Итак, добрая сотрудница наша, до нового года!..

Сноски

1

празднично выраженный лакей (фр.). – Ред.

2

«Современник» 1836 г., т. II, стр. 295–296.

3

«Французы, зарисованные ими самими» (фр.). – Ред.

4

«Ножичек этот получил я с благодарностию и берегу как вещь драгоценную, потому что он подарен мне целым миром села Павлова! Отказать я даже не смел, и сознаюсь, что этот пятирублевый подарок дороже мне весьма много драгоценного! Ф. Б.».

5

товарищество (фр.). – Ред.

6

моя вина, моя самая большая вина... (лат.). – Ред.

7

Ты этого хотел, Жорж Данден! (фр.). – Ред.

8

обозрениями (англ.). – Ред.

9

Смеется тот, кто смеется последним! (фр.) – Ред.

10

полным падением (фр.). – Ред.

11

В отделе «Смеси» статья «Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке», стр. 32–43.

12

См. «Москвитянин», 1842, книжку IX, статью г. Аксакова «Объяснение»{142}.

13

«Отечественные записки», 1840, т. VIII.

14

«Отечественные записки», 1842, т. XXIII, отд. «Библиографии», стр. 4–5.

15

«Сочинения Александра Пушкина», т. XI, стр. 21–22{143}.

16

оправдательные документы (фр.). – Ред.

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
17

Одессу звучными стихами // Наш друг Туманский описал. «Евгений Онегин».

18

От *mirliflore* – франт, щеголь (фр.). – Ред.

19

«Домовой» (фр.). – Ред.

20

Улица Ришелье (фр.). – Ред.

21

Казаль, улица Монмартр (фр.). – Ред.

22

Бертрана младшего, улица Ломбардцев, 46, в глубине двора (фр.). – Ред.

23

какой ужас! (фр.). – Ред.

24

мадам Полле и мадам Шапрон (фр.). – Ред.

25

из поплина или гроденапля (фр.). – Ред.

26

и компании (фр.). – Ред.

27

Что превосходит объемом труды А. А. Орлова и г-на Кузмичева, вместе взятых.

28

Дружбой, товариществом (фр.). – Ред.

29

О времена, о нравы! (лат.) – Ред.

30

мнимых (лат.). – Ред.

31

А «Сына отечества» до сих пор вышло только пять книжек, то есть последняя книжка его была за май, тогда как у нас теперь декабрьские морозы!

Комментарии

1

«Литературные и журнальные заметки» впервые появились именно в этом номере «Отечественных записок» и систематически печатались в журнале в течение двух последующих лет, иногда называясь «Журнальными и литературными заметками».

2

Намек на сатирический ежемесячник «Осы» («Les Gueres», 1839–1849), издаваемый французским литератором А. Карром, и на сборник фельетонов Булгарина «Комары» (полное название: «Комары. Всякая всячина. Рой первый». СПб., 1842). В. Р. Зотов вспоминал: «В 1842 году имели успех, впрочем весьма эфемерный, маленькие книжки, выходившие неперидически, в форме «Ос» Альфонса Карра. Этот сборник анекдотов, мыслей, острот, мелких заметок о современной жизни, переделанный на русские нравы, оказался у нас весьма тщедушным и недолговечным. Появление таких брошюр началось с «Комаров» Булгарина, которым редактор «Северной пчелы» придал второй заголовок своего газетного фельетона «Всякая всячина». Выпуска два были прочтены с любопытством, но потом, видя в них те же грязные сплетни и ту же рекламу разным торговцам, как и в «Пчеле», публика перестала интересоваться ими. Князь Вяземский написал на них злую эпиграмму, начинавшуюся стихом: «Комар твой – не комар, а разве клоп вонючий» («Исторический вестник», 1890, № 2, с. 338).

3

Белинский цитирует рецензию Н. А. Полевого на второй том «Русской беседы» («Русский вестник», 1842, № 1, отд. III, с. 66). Полевой разбирает стихотворение Шевырева «На смерть поэта».

4

См. примеч. 13 к статье «Сочинения Зенеиды Р-вой».

5

См. примеч. 13 к статье «Стихотворения Полежаева».

6

Речь идет о статье Шевырева «Стихотворения М. Лермонтова» («Москвитянин», 1841, № 4),

7

Эпиграммы Лермонтова появились в печати позже и не были известны Белинскому.

8

Помимо этой сравнительно безобидной эпиграммы, опубликованной в «Москвитяине» (1841, № 6, с. 299), М. А. Дмитриев был автором многих распространявшихся в списках злых эпиграмм на представителей прогрессивного лагеря, в том числе на самого Белинского, на Герцена и др. (см. «Летопись жизни и творчества А. И.

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru Герцена. 1812–1850». М., «Наука», 1974, с. 305, где приводится отрывок из письма Н. М. Языкова, который сообщает брату, А. М. Языкову, что М. А. Дмитриев «продолжает писать злейшие эпиграммы на так называемых наших гегелистов и коммунистов» (автограф ПД, 19.4.25).

9

Эпиграмма Шевырева на Н. А. Полевого («Москвитянин», 1842, № 3, с. 21).

10

Эпиграмма Н. А. Полевого на Шевырева («Русский вестник», 1842, № 4, с. 60).

11

В «Северной пчеле» (1842, № 119) Булгарин писал, что скоро в газете «будет помещен разбор» «Мертвых душ». Рецензия на «Мертвые души» была написана Н. И. Гречем («Северная пчела», 1842, № 137).

12

Статья о седьмой главе «Евгения Онегина» появилась в «Северной пчеле», 1830, № 35, 39, о романе «Юрий Милославский» М. Н. Загоскина – в «Северной пчеле», 1830, № 7, 8, 9, о «Басурмане» И. И. Лажечникова – в «Северной пчеле», 1839, № 46, 47.

13

Речь идет о статье А. С. Пушкина «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов», опубликованной под псевдонимом «Феофилакт Косичкин» («Телескоп», 1831, ч. IV, № 13).

14

«Черная женщина» (ч. I–IV. СПб., 1834) – роман П. И. Греча, пользовавшийся в свое время довольно большой известностью.

15

Белинский цитирует статью П. А. Вяземского «Новая поэма Э. Кине «Napoléon...» («Современник», 1830, т. II). См. о ней наст. изд., т. 1, с. 520.

16

Ежегодная премия Академии наук, учрежденная в 1831 г. сроком на 25 лет, на средства П. Н. Демидова.

17

Намек на О. И. Сенковского.

18

Речь идет о Ф. В. Булгарине и его сочинениях.

19

Точнее: Г. К. Котошихина, автора книги «О России в царствование Алексия

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru Михайловича» (1666); опубл. в 1841 г. Ошибка Белинского объясняется тем, что в издании 1841 г. имя автора ошибочно обозначено «Кошихин».

20

Басня «Муха и Дорожные».

21

Под «третьим» подразумевается С. А. Бурачек. См. примеч. 88 к статье «Речь о критике».

22

К «благоденствующим патриотам» Белинский относил М. П. Погодина.

23

Цитата из басни «Лисица и Сурок».

24

Статья «Село Павлово» («Живописное обозрение», 1841, т. VI, с. 194–196).

25

Белинский снова цитирует Ф. В. Булгарина («Северная пчела», 1842, № 42. Курсив Белинского).

26

Это утверждал Ф. В. Булгарин в «Северной пчеле», 1842, № 64.

27

Цитата из статьи Белинского «Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя».

28

Имеются в виду «Метаморфозы» Публия Овидия Назона.

29

Белинский намекает на польское происхождение Булгарина.

30

«Гороскоп Петра Великого» был напечатан в «Москвитянине», 1842, № 1, и в «Русском вестнике», 1842, № 2.

31

Н. А. Полевой.

32 Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

Белинский цитирует Перовицкого не совсем точно. См.: «Москвитянин», 1842, № 1, с. 67 и 76.

33

См.: «Русский вестник», 1842, № 2, отд. IV, с. 42.

34

Белинский имеет в виду одну из сюжетных линий «Илиады».

35

Статья, вернее рецензия, принадлежит Н. А. Полевому, который анализирует в ней первый выпуск книги Н. П. Ламбина «История Петра Великого» в издании Ф. И. Эльснера («Русский вестник», 1841, № 12).

36

Произведения Н. А. Полевого.

37

См. примеч. 28 к статье «Литературные мечтания» (наст. изд., т. 1, с. 632).

38

Выражение из комедии Мольера «Жорж Данден, или Пристыженный муж».

39

Существовавшие как два самостоятельных журнала «Репертуар русского театра» и «Пантеон русского и всех европейских театров» в 1842 г. слились в один журнал, выходивший под названием «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров».

40

Французское выражение «chute complete» Булгарин употребил в 1830 г. по отношению к седьмой главе «Евгения Онегина» («Северная пчела», 1830, № 35). Белинский не раз обращал его против самого Булгарина.

41

Намек на слова Н. А. Полевого, сказанные им в романе «Клятва при гробе господнем» (ч. I. М., 1832, с. IX).

42

П. А. Полевой писал о третьей и четвертой частях книги Булгарина «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях, ручная книга для всех сословий», что приложенные к изданию карты Руси X и XI веков «просто ужасны» («Сын отечества», 1838, т. II, № 4, отд. IV, с. 153).

43

Здесь и далее имеется в виду Шевырев и его статья «Похождения Чичикова, или Мертвые души» («Москвитянин», 1842, № 7, с. 207–228; № 8, с. 346–376).

44

Речь идет о С. П. Шевыреве. По его настоянию повесть «Нос» была отклонена журналом «Московский наблюдатель».

45

В статье С. Н. Шевырева «Взгляд на современную русскую литературу (Сторона светлая)» Гоголю противопоставляются Н. Ф. Павлов, В. Ф. Одоевский и В. А. Соллогуб как писатели, которые «роднят язык литературный с языком лучшего общества» («Москвитянин», 1842, № 3, с. 180).

46

См. примеч. 10 к статье «Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя».

47

Снова имеется в виду Шевырев и его статья о «Мертвых душах» («Москвитянин», 1842, № 8, с. 348).

48

Об этом писал Шевырев («Москвитянин», 1842, № 8, с. 359–363). К тому же он и действительно слишком часто намекал в своих статьях, что побывал в Италии (см. об этом: Шенрок, т. IV, с. 67).

49

Белинский продолжает полемику с Шевыревым, который писал: «Комический юмор автора мешает иногда ему обхватывать жизнь во всей ее полноте и широком объеме» («Москвитянин», 1842, № 8, с. 368).

50

См. статью Шевырева («Москвитянин», 1842, № 8, с. 374–375).

51

Цитата из статьи Шевырева («Москвитянин», 1842, № 8, с. 375–376). курсив Белинского.

52

Автором статьи был П. А. Плетнев. См. примеч. 1 к статье «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души».

53

«Словесность и торговля» – статья С. П. Шевырева («Московский наблюдатель», 1835, март, кн. 1). Белинский ответил Шевыреву в своей статье «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» (см. наст. изд., т. 1), в которой развивал те же мысли, что и в данной рецензии.

54

Было несколько таких изданий, в частности, предпринятое А. Ф. Воейковым в 1815–1817 гг. и переизданное в 1821–1824 гг. двенадцатитомное «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах и прозе».

55

Белинский говорит об издателе и книгопродавце А. Ф. Смирдине. Когда дела Смирдина пошатнулись, он был оставлен многими из своих друзей–литераторов. В. И. Даль писал С. П. Шевыреву в этой связи: «Смирдина съели совсем; любопытно послушать его с часик, как в течение последних лет Полевой, Булгарин, Греч и Сенковский перебрали у него удивительно ловко сотни тысяч и посадили на мель» («Русский архив», 1878, т. II, № 5, с. 65).

56

Все приведенные высказывания взяты Белинским из статей Сенковского, опубликованных в разное время в журнале «Библиотека для чтения».

57

В «Северной пчеле», 1842, № 64.

58

Белинский говорит о задуманной им «Критической истории русской литературы».

59

Этим журналистом был Ф. В. Булгарин, уличил же его Б. М. Федоров (см.: «Особенное прибавление» к «Московскому телеграфу», 1825, № 13, с. 3 и ответ Булгарина в «Северном архиве», 1825, № 16, с. 354–356).

60

«Северная пчела», 1840, № 246.

61

Цитата из статьи «Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя».

62

См. примеч. 12 к «Литературным и журнальным заметкам» (с. 585).

63

Этим критиком был Шевырев. См. примеч. 11 к «Литературным и журнальным заметкам» (с. 585).

64

См. статью Шевырева о «Стихотворениях М. Лермонтова» («Москвитянин», 1841, № 4, с. 525–540).

65

Речь идет о стихотворном пасквиле М. А. Дмитриева «Безыменному критику». Он был вызван суждениями Белинского о русской литературе XVIII в. в его статье «Русская литература в 1841 году». Пасквиль, в сущности, являлся политическим доносом и, следовательно, не был произведением литературным. Выходка Дмитриева вызвала возмущение в студенческой среде. Студентами, в том числе и А. Фетом, было написано ответное стихотворение, переданное Белинскому В. П. Боткиным (см. письмо Белинского к Боткину от 9 декабря 1842 г. и публикацию В. Е. Евгеньева-Максимова в журнале «Ленинград», 1940, № 21–22, с. 34). Пасквиль Дмитриева появился в «Москвитяине», 1842, № 10.

66

Здесь под «славянофилами» Белинский имеет в виду последователей А. С. Шишкова, литературных противников Карамзина.

67

Белинский говорит о стихотворениях, приближающихся по своему характеру к политическим доносам.

68

Белинский сокращает и перефразирует строки стихотворения С. С. Боброва «Столетняя песнь, или Торжество осьмогонеадесять века России»:

Тогда Россия в мрачный век
В своей полнощи исчезала.
«Да будет Петр!» – Бог свыше рек;
И бысть в России солнца свет.

69

«Сказывать слово и дело» в России XVIII в. означало доносить о политических преступлениях или их замысле.

70

О рецензиях на «Нового Робинзона» И.–Г. Кампе и на «Робинзона Крузо» Д. Дефо см.: ЛН, т. 55, с. 351–359.

71

Переводчик «Нового Робинзона» – В. С. Межевич, бывший сотрудник «Телескопа» и «Молвы», позже сблизившийся с Гречем и Булгариным.

72

См. примеч. 6 к «Литературным и журнальным заметкам» (с. 581).

73

«Мертвые души» с «Илиадой» и «Одиссеей» сравнивал К. С. Аксаков в брошюре «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» (М., 1842).

74

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
См. примеч. 101 к статье «Русская литература в 1842 году».

75

См. примеч. 63 к статье «Русская литература в 1842 году».

76

«Филатка и Мирошка – соперники, или Четыре жениха и одна невеста» (1831) – водевиль П. Г. Григорьева, «Комедия о войне Федосьи Сидоровны с китайцами» (1842) принадлежит Н. А. Полевому.

77

Статья «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души».

78

Журнал «Le Follet, courrier des salons» («домовой, вестник салонов»).

79

Оборот восходит к словам Осипа: «Галантерейное, черт возьми, обхождение!» («Ревизор», д. II, явл. I).

80

В журналах 30–40-х гг. отрицательные отзывы о произведениях Жорж Санд не были редкостью, поэтому трудно сказать, о ком именно говорит здесь Белинский. Так, журнал «Библиотека для чтения» писал о романе Жорж Санд «Лелия»: «В нем исчезли красоты «Индианы» и «Валентины», и отвратительное негодование сочинительницы против того, что ограждает честь и гражданский быт женщины, вспыхнуло во всей своей силе, во всем бесстыдстве. В этой книге даже попрана религия» (1834, т. I, отд. II, с. 76).

81

В. С. Спиридонов предполагал, что Белинский имел здесь в виду Ф. В. Булгарина, который «за штуку полотна, сукна, несколько флаконов духов и т. д. вставлял в свои статьи фамилии и адреса фабрикантов-подносителей» (см.: ПССБ, т. XIII, с. 234).

82

Имеется в виду «История Петра Великого» Н. П. Ламбина (ч. I–V, спб., 1841–1843),

83

Цитата из «Горя от ума» (д. IV, явл. 4).

84

Очерк И. И. Панаева не появился в «Наших, списанных с природы русскими», так как это издание прекратило свое существование. Переработанный Панаевым очерк был опубликован в сборнике Н. А. Некрасова «Физиология Петербурга» (1845) под названием «Петербургский фельетонист».

85

В разделе «Литературная летопись» журнала «Библиотека для чтения» была высказана похвала «Письмам с дороги по Германии, Швейцарии и Италии» Н. И. Греча (СПб., 1843), дана снисходительная оценка книге «Были и небылицы, статейки, вырванные из большой книги, называемой свет и люди; философически-филантропичееко-гумористическо-сатирическо-живописные очерки, составленные под редакцией Ивана Балакирева» (СПб., 1843) и брошюре В. Лебедева «Супружеская истина в нравственном и физическом отношениях» (СПб., 1842). Раздел «Литературная летопись» дан в этом номере «Библиотеки для чтения» в виде небольшой пьесы, действующими лицами которой являются, в частности, книга «Были и небылицы» и брошюра «Супружеская истина». Последняя сцена пьесы – «Балет», в котором танцуют все книги, так что слова Белинского надо понимать буквально. Далее речь идет о газете «Русский инвалид».

86

В журнале «Эконом» нередко помещались статьи на кулинарные темы, автором которых бы Ф. В. Булгарин.

87

Не совсем точная цитата из эпиграммы (предположительно П. А. Вяземского) на Булгарина. Должно быть:

Патриотический предатель,
Расстрига, самозванец сей,
Уже не воин, уж наш писатель,
Уж русский к сраму наших дней.

88

В «Северной пчеле» приводилось то место из статьи Белинского о «Древних российских стихотворениях, собранных Киршею Даниловым», где Белинский цитировал «Фауста».

89

В 1799 г. вышла первая часть романа, вторая появилась в 1801 г.

90

Газета «Русский инвалид», одним из редакторов которой в 1843 г. стал Краевский.

91

Речь идет о Н. А. Полевом.

92

Цитата из статьи Н. А. Полевого («Северная пчела», 1843, № 2).

93

Статья написана Шевыревым. Сравнение Гоголя с Гомером принадлежит К. С. Аксакову (см. его брошюру «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». М., 1842).

94

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Басня «Крысы», направленная против Белинского и его литературных взглядов,
написана Б. М. Федоровым и впервые опубликована в журнале «Маяк», 1842, т. VI,
кн. 12.

95

См. примеч. 12 к «Литературным и журнальным заметкам» (наст. т., с. 582).

96

Белинский использует название «не-повести» И. И. Панаева «Тля», в которой
высмеиваются дельцы от журналистики.

97

Цитата из оды Державина «Вельможа».

98

Курсив здесь и далее Белинского.

99

Статьи А. М. Мартынова о Пушкине действительно появились в «Маяке» в том же,
1843 г.

100

Издателями «Маяка» были С. А. Бурачек и П. А. Корсаков.

101

См. примеч. 2 к «Литературным и журнальным заметкам» (наст. т., с. 594).

102

Цитата из стихотворения Пушкина «Возрождение».

103

О. И. Сенковскому.

104

Белинский пародирует грамматические новации Сенковского.

105

См. примеч. 45 к статье «Ничто о ничем...» (наст. изд., т. 1, с. 666).

106

См. примеч. (вводная заметка) к статье «Литературный разговор, подслушанный в
книжной лавке».

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
107

Роман Сенковского (Барона Брамбеуса) «Идеальная красавица, или дева чудная» был закончен в 1844 г.

108

Имеются в виду книги: Я. В. Толмачев. Правила словесности, руководствующие от первых начал до вышних совершенств красноречия (ч. I–IV. СПб., 1815–1822); П. Е. Георгиевский. Руководство к изучению русской словесности, содержащее в себе основные начала изящных искусств, теорию красноречия, пиитику и краткую историю литературы (изд. 2-е, ч. I–IV. СПб., 1842).

109

Полевой употреблял это выражение неоднократно, в том числе и в своей статье «Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя».

110

Все эти отзывы взяты Белинским из рецензии Сенковского на «Сочинения Гоголя» («Библиотека для чтения», 1843, т. LVII, отд. VI, с. 21–28).

111

В «Отечественных записках» № 3 Белинский жестоко высмеял литературно-критические оценки «Северной пчелы» (см. наст. т., с. 420–421).

112

К уже названным книгам Толмачева и Георгиевского (см. примеч. 8) Белинский добавляет: Н. И. Греч. Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности (ч. I–IV. СПб., 1819–1822) и В. Т. Плаксин. Краткий курс словесности, приспособленный к прозаическим сочинениям (СПб., 1832).

113

В «Отечественных записках», 1843, № 1, отд. VIII, с. 54, было напечатано анонимное стихотворение «К друзьям».

114

Слова Белинского из статьи «Герой нашего времени». Соч. М. Лермонтова».

115

См. наст. т., с. 424.

116

Цитата из статьи Шевырева «Критический перечень русской литературы 1843 года» («Москвитянин», 1843, № 3, с. 179–180).

117

Цитата из песни И. И. Дмитриева «Стонет сизый голубочек...».

118

Курсив Белинского.

119

Цитата из басни Крылова «Гуси».

120

Немецкий писатель, критик и книготорговец К.-Ф. Николаи в осуществляемом им издании «Всеобщей немецкой библиотеки», в статьях о романе «Радости молодого Вертера» выступал противником творчества Гете и Шиллера.

121

Обвинения Пушкина в безнравственности продолжались и во время написания данной рецензии, например, в статьях А. М. Мартынова о Пушкине («Маяк», 1843, т. IX, кн. 17, гл. IV, «Критика», с. 14, 15, или т. IX, кн. 18, гл. IV, «Критика», с. 130, 131, 137 и т. д.).

122

Булгарин хвалил магазин Ольхина из корыстных соображений.

123

Ставшая знаменитой фраза Цицерона из его первой речи против Катилины.

124

В «Литературной газете», 1840, № 22, было опубликовано письмо саратовского помещика А. Д. о «Чтениях о русском языке» Н. И. Греча.

125

«Супружеская истина, в нравственном и физическом отношениях» (СПб., 1842) – брошюра В. Лебедева.

126

Р. М. Зотов.

127

Вероятно, речь идет о журнале «Маяк», постоянно ратовавшем, как писалось в одном из номеров, за «родное, народное, маленько мужицкое слово» и поместившем в 1843 г. цикл статей о Пушкине (см. примеч. 5 к данной рецензии).

128

В. Р. Зотовым.

129

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Цитата из эпиграммы Пушкина на М. Т. Каченовского («Журналами обиженный жестоко...»).

130

Сборник «Сто русских литераторов» (т. I–III. СПб., А. Смирдин, 1839–1845) вызвал многочисленные иронические отклики из-за странного соседства вошедших в сборник имен: Пушкин и Булгарин, Крылов и Марков и т. п. Вскоре после выхода первого тома Герцен писал: «Что за скот выдумал печатать портреты в книге, издав. Смирдиным, и в главе Сенковский, после Пушкин. Я скажу про нашу литературу, как Югурта про Рим: «О продажный город. Жаль, что нет покупщика на тебя». – И кто будет покупать лица Тимофеева, Кукольника и пр.? Я думаю, все это делается для того, чтоб так нагадить и намерзнуть литературные занятия, чтоб порядочному человеку равно казалось красть платки и печатать книжки. ...Дошло до того, что, наряду с Пушкиным, гравировать А. А. Орлова – да верить ли подобным нелепостям?» (Герцен, т. XXI, с. 393). Об истории этого издания см.: Н. П. Смирнов-Сокольский. Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1957, с. 39–41.

131

Первое прозаическое произведение В. Скотта роман «Уэверли» (1814) был выпущен анонимно, так как Скотт не хотел рисковать своим, уже прославленным в области поэзии, именем. Выходили анонимно и последующие романы. Только в 1829 г. Скотт раскрыл свое имя, которое, впрочем, давно уже ни для кого не было тайной.

132

П. И. Шаликов издавал «Дамский журнал» (1823–1833), стиль которого и пародирует здесь Белинский.

133

«Третьим фельетонистом» Белинский называет Н. А. Полевого. «Журнальный смельчак» – сам Белинский.

134

Здесь между заметками Белинского находится текст, ему не принадлежащий.

135

Имеется в виду вторая статья о Пушкине, в ней большое место отведено Жуковскому.

136

Многозначием Белинский указывает и на другой, не только тот, что следует из продолжения фразы, смысл глагола «доносит».

137

Намек на нерусское происхождение Ф. В. Булгарина.

138

«Бедное семейство» – семья покойного П. П. Свинына, основателя «Отечественных записок». Заключая контракт с Краевским о передаче ему журнала, Свинын оговорил пункт, по которому Краевский в течение пяти лет должен был платить определенную сумму самому Свиныну, а в случае его смерти – наследникам. Контракт не был

Журнальные и литературные заметки. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru санкционирован царем и со смертью Свинына потерял силу, журнал же перешел в собственность Краевского. Вдова Свинына обратилась к посредничеству третейского суда. Суд в составе Л. В. Дубельта, В. И. Панаева и П. А. Плетнева признал Краевского хотя и правым юридически, но все же морально обязанном уплатить семье покойного Свинына (резолуция третейского суда датирована февралем 1841 г.). Краевского поддерживал Дубельт. Плетнев в письмах к Гроту неоднократно выражал свое возмущение и судом, и решением, далеко не полностью отвечавшим требованиям справедливости, так как в конце концов Краевский уплатил вдове квитанциями («билетами») на получение «Отечественных записок» (см. об этом: Переписка, т. I, с. 228, 233, 240, 356, 681–682).

139

Намек на Ф. В. Булгарина, который за соответствующую мзду щедро расточал похвалы на страницах «Северной пчелы» и торговцам, и актерам, и книгопродавцам.

140

См. наст. т., с. 458.

141

См.: Белинский, АН СССР, т. VIII, с. 23.

142

Речь идет о статье К. С. Аксакова «Объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» («Москвитянин», 1842, № 9).

143

Цитата из «Путешествия из Москвы в Петербург».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!